

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой, к. т.
н.,
доцент
_____ Л. И. Шестакова
« ____ » _____ 2020 г.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ В ГОДЫ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ 1937–1945 ГГ.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 41.03.01.2020.018. ВКР

Руководитель работы, д. и. н.
профессор
_____ А. Д. Таиров
_____ 06 июня _____ 2020 г.

Автор работы
студент группы ЛМ-405
_____ М. В. Васина
_____ 2020 г.

Нормоконтролер, д. и. н.
профессор
_____ А. Д. Таиров
_____ 06 июня _____ 2020 г.

Челябинск 2020

АННОТАЦИЯ

Васина М.В. Коммунистическая партия Китая
в годы японо-китайской войны 1937–1945 гг.
– Челябинск: ЮУрГУ (НИУ), ЛМ-405, 102 с.,
библиогр. список – 47 наим.

Объектом исследования является Коммунистическая партия Китая.

Цель работы: исследовать роль КПК в годы японо-китайской войны. На основании обзора мемуаров очевидцев событий, учебных пособий и научных статей дать ей оценку.

В результате исследования рассмотрена и раскрыта роль Коммунистической партии в разные периоды войны. Дана характеристика ее стратегии в отношении японских захватчиков. Проанализирована обстановка внутри партии и истоки идеологических установок Мао Цзэдуна. Рассмотрены отношения КПК с Гоминьданом и иностранными союзниками.

Степень исследованности темы – малоизученная, т. к. в российской и зарубежной историографии на сегодняшний день не существует обобщающих трудов, посвященных непосредственно КПК и его роли в японо-китайской войне (1937–1945 гг.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. КПК В ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ПЕРИОДЫ ВОЙНЫ	8
1.1 КПК в первый период войны.....	8
1.2 КПК во второй период войны.....	18
ГЛАВА 2. КПК В ТРЕТИЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОДЫ ВОЙНЫ.....	12
2.1 КПК в третий период войны.....	23
2.2 КПК в четвертый период войны	30
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	39
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	41

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В 2020 г. отмечается семидесятипятилетие окончания Второй Мировой войны. Эта тема является актуальной, поскольку до этого времени мир не сталкивался с такими системами, содержащими нечеловеческую жестокость в своих идеологиях, как германский нацизм и японский милитаризм, а ее исход во многом определил дальнейшее мироустройство.

Датой начала Второй Мировой принято считать вторжение нацистской армии в Польшу в 1939 г., а основными ее участниками, помимо Советского Союза – США и Великобританию. Однако согласно представлениям китайских и части зарубежных историков, самый первый удар войны принял на себя Китай 7 июля 1937 г. у моста Марко Поло (Лугоцзя). Японская оккупация по сей день является для китайского народа одной из наиболее острых тем. Председатель КНР Си Цзиньпинь утверждает, что Японо-китайская война 1937–1945 гг. унесла жизни тридцати пяти миллионов китайцев [41]. Именно на китайском театре военных действий были скованы три четверти сил Японии.

Высшие руководители антифашистской коалиции подтверждали важность китайского фронта. Франклин Рузвельт писал: «Если бы не было Китая, если бы Китай был разгромлен, достаточно представить, сколько дивизий японских войск могли быть переброшены для сражения в других регионах. Они могли бы сразу завоевать Австралию, Индию... Они могли бы без малейших усилий оккупировать эти регионы и, возможно, даже посягнуть на Ближний Восток» [44]. Уинстон Черчилль отмечал, что если бы Япония напала на страны в западной части Индийского океана, «то наши фронты на Среднем Востоке полностью развалились» [44]. Ситуацию действительно мог спасти лишь Китай. Иосиф Сталин писал, что «только в том случае, когда руки и ноги японских захватчиков связаны, можно избежать военных действий на двух фронтах во время наступления немцев на СССР» [44]. Однако в современной историографии Тихоокеанский фронт остается малоизученной и недооцененной темой.

Борьба, которая шла на китайском фронте была направлена не только на отпор внешнему врагу. Две партии, КПК и Гоминьдан, существовавшие внутри Китая, вели борьбу между собой, а спустя несколько лет после окончания Второй Мировой к власти пришла Компартия. Образ победителей был во многом неоднозначен. Во время войны лидер КПК Мао Цзэдун избрал для партии следующую стратегию «10 % усилий – на борьбу с японскими захватчиками, 20 % – на защиту от Гоминьдана, 70% – на сохранение своего потенциала». Коммунисты не строили из себя героев и не рвались на передовую, напротив, переложив основную тяжесть войны на плечи Гоминьдана и союзников, копили силы и создавали себе базы в освобожденных районах. Такая линия вызывала недоумение и некоторое разочарование у советских военных советников, имевших иные представления о долге и чести, но, как показала история, она оказалась верной. Приход коммунистов к власти положил начало событиям, которые в итоге не только формально восстановили статус Китая как великой державы, но и на деле сделали его второй экономикой мира.

Степень изученности: в российской и зарубежной историографии на сегодняшний день не существует обобщающих трудов, посвященных непосредственно КПК и его роли в Японо-китайской войне (1937–1945 гг.). В учебных пособиях по истории теме Тихоокеанского фронта уделяется крайне мало внимания, а в имеющихся источниках китайский фронт, в основном, рассматривают в контексте центрального правительства, кратко описывая его взаимоотношения с союзниками, военную помощь СССР центральному правительству и бои местного назначения. О КПК, как об участнике событий, вскользь упоминается ее инициатива в создании единого фронта и о создании ею баз в Освобожденных районах. Тем не менее, из учебной литературы можно опереться на следующие классические учебники: «История Китая» под редакцией известного советского и российского ученого-китаиста А. В. Меликсетова и «Новейшая история Китая» М. И. Сладковского, экономиста-востоковеда и китаеоведа [13, 24]. Авторы учебников дают довольно подробную характеристику

взаимоотношениям Гоминьдана и КПК в начальный период войны, подробно описывает роль Коммунистической партии в освоении и развитии Освобожденных районов, дают оценку ее военному потенциалу и рассматривают внутренние дела партии (борьбу Мао Цзэдуна за власть, внутрипартийные чистки, «Чжэнфын»).

Большую ценность при изучении данной темы имеют мемуары советских военных советников и разведчиков, бывших очевидцами описываемых событий. Разумеется, они не дают всей полной картины, поскольку подвергались советской цензуре, редактировались и отражают точку зрения, принятую в СССР. Однако в целом, информация, представленная ими, во многом совпадает с действительностью.

Примером может послужить книга «Миссия в Китае» маршала В. И. Чуйкова, бывшего в период с 1940 по 1942 г. военным атташе в Китае и главным военным советником при центральном правительстве [30]. Чуйков не просто описывал события на китайском фронте и раскрывал позиции политических сил, действующих на территории Китая. Военный советник участвовал в разработке наступательных операций (например, Ичанская) и старался сгладить противоречия, существующие внутри единого фронта.

«В мою задачу входила не только помощь китайскому командованию в управлении войсками, мне предстояло научить их применять современное оружие в свете новейших тактических требований. Мало того, в мою задачу как военного атташе и главного военного советника входило сдерживание воинственных устремлений Чан Кайши против коммунистических армий и партизанских районов, которые контролировались китайскими коммунистами, чтобы он мобилизовал все силы нации на отпор агрессору», – писал сам Чуйков [30, с. 41].

Особый интерес представляют мемуары записи советских разведчиков, работавших в Яньани (главном центре КПК) под видом корреспондентов ТАСС. Отдельно стоит выделить книгу «Особый район Китая 1942–1945», представляющую собой дневниковые записи П. П. Владимирова (настоящая

фамилия Власов), опубликованные его сыном Юрием [4]. Владимиров, находясь в Яньане в качестве связного Коминтерна при ЦК КПК и руководителя группы по сбору сведений о Квантунской армии, регулярно вел дневник, где подробно описывал обстановку внутри КПК. Он стал очевидцем пути Мао Цзэдуна к власти, застал процесс формирования «Социализма с китайской спецификой» и Кампанию по упорядочению стиля, так называемый «Чжэнфын», на всех его стадиях, лично принял участие в предотвращении расправы над главным противником будущего председателя ЦК КПК Ван Мином. Наблюдая за партийной верхушкой КПК в разные периоды войны, Владимиров получил представления об истинном отношении партийной верхушки к собственным обязанностям, предполагаемых концепцией единого фронта, к Коминтерну и союзникам (СССР и США) – учет, в первую очередь, собственных интересов.

Менее популярным трудом, также посвященным обстановке в Особом районе являются мемуары Игоря Юрченко, также работавшего под видом корреспондента ТАСС под псевдонимом Южин (в Китае его называли Ю Жень) «Три года в Яньани. Записки военного корреспондента 1941–1943» [42].

При написании данной работы также использовались труды отечественных синологов и востоковедов. Так, произведение научного сотрудника ИДВ РАН Виктора Усова «Китайский Берия Кан Шэн», посвященное биографии одного из приближенных к Мао Цзэдуну лиц, шефа органов госбезопасности, дает представление о внутрипартийной борьбе и «перегибах», которые, впоследствии, полностью переложат на Кан Шэна [28].

Труды российского и советского китаевода, научного сотрудника ИДВ РАН Юрия Галеновича «Десять жизней Ван Мина», «Сталин и Мао. Два вождя», важны, поскольку знакомят с противоречивой личностью вождя и главного идеолога Коммунистической партии, а также его ближайших соратников и главных идеологических противников [6–7]. В них подробно раскрывается тезис, принятый в КНР «30 % плохого, 70 % хорошего», автор отмечает позитивные последствия политики Мао, не закрывая глаза на ее негативные стороны. Таковую

же цель несет в себе биография Мао Цзэдуна с одноименным названием авторства российского и американского китаиста и переводчика А. В. Панцова [21].

Для рассмотрения КПК со стороны идеологического противника была использована биография Чан Кайши «Судьба китайского Бонапарта» авторства В.Воронцова.

Из китайских источников, использованных при написании работы, следует отдельно выделить произведения самого Мао Цзэдуна. К ним относится собрание сочинений в четырех томах «Мао Цзэдун. Избранные произведения» и «Маленькая красная книжица» – сборник цитат председателя ЦК КПК, ставший в 60-е годы XX в. «библией» китайских коммунистов [14–17]. Сборники с цитатами, разбитыми по тематическим главам, было обязательно носить при себе, а цитаты заучивать наизусть. Полезным оказался электронный ресурс «Маоистская библиотека», где работы председателя и его устные выступления переведены на русский язык и выложены в хронологическом порядке [48].

Автобиография Ван Мина «Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна» и книга его жены Мэн Циншу «Чэнь Шаоюй. Ван Мин» показывают взгляд со стороны коммуниста, дружественно настроенного по отношению к Коминтерну и не согласного с линией, проводимой председателем внутри партии, попавшего под «Чжэнфын» [2, 19].

В учебнике Мяо Чу-Хуана «Краткая история Коммунистической партии Китая» китайские коммунисты преподносятся исключительно с положительной стороны [20]. Автор учебника демонстрирует официальную точку зрения, принятую в КНР.

Цель данной работы – исследование роли КПК в Японо-китайской войне (1937–1945)

Для достижения цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Охарактеризовать стратегию КПК в отношении японских захватчиков;
2. Проанализировать идеологические установки Мао Цзэдуна;
3. Дать оценку обстановке внутри партии

4. Рассмотреть отношения КПК с Гоминьданом

5. Рассмотреть отношения КПК с союзниками

Объект исследования – Коммунистическая партия Китая

Предмет исследования – КПК в годы Японо-китайской войны (1937–1945)

В качестве методологической основы исследования применялись следующие методы: историко-сравнительный, системный, формально-логический и др.

Источники исследования: учебные пособия по истории Китая, мемуары очевидцев (советских военных советников и членов партии), работы Мао Цзэдуна, труды отечественных и зарубежных востоковедов и китаистов статьи из научных журналов и электронных ресурсов.

Результаты работы рекомендуется использовать при подготовке к семинарским занятиям и написанию научных работ

ГЛАВА 1 КПК В ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ПЕРИОДЫ ВОЙНЫ

1.1 КПК в первый период войны

С самого начала Японо-Китайская война пошла не по плану Японии, которая рассчитывала провести в Китае своего рода «блицкриг». Расчеты были вполне обоснованы, поскольку на момент начала войны Китай был раздроблен на враждующие политические группировки КПК и Гоминьдана. Япония же, напротив, являлась в тот момент одной из крупнейших империалистических держав, и ее авиация, армия и флот были первоклассными и сильнейшими на Востоке. Японские военные надеялись воспользоваться ослаблением Китая, вызванным гражданской войной. Примечателен тот факт, что в японской историографии Японо-Китайскую войну часто называют просто «китайским инцидентом», что свидетельствует о том, что японцы не считали ее событием масштабным и значимым. Однако они серьезно недооценили уровень китайского национализма. Когда зашла речь об опасности существования нации как таковой, китайские политические силы оказались способны к сотрудничеству и созданию единого фронта.

На следующий же день после сражения у моста Марко Поло (Лугоцзяо) КПК выступила с обращением к Гоминьдану, всем политическим организациям, армиям и всему китайскому народу: «Мы требуем, чтобы центральное правительство в Нанкине оказало реальную помощь 29-му корпусу; чтобы оно немедленно предоставило свободу патриотическому движению народных масс во всей стране и способствовало выражению воли народа к борьбе против врага; чтобы правительство немедленно привело в боевую готовность все сухопутные, морские и воздушные силы Китая для отпора врагу; чтобы оно немедленно очистило страну от притаившихся предателей и изменников родины, а также японских шпионов и таким образом укрепило тыл. Мы призываем весь народ всеми силами помогать священной оборонительной войне против японских захватчиков» [14, с. 11]. После того, как пали Пекин и Танцзинь, КПК выдвигала лозунги, призывающие к ведению партизанской войны, проводила мобилизацию

революционно настроенной молодежи, которая отправлялась в деревни на севере Китая и разворачивала там партизанскую войну против японцев. «Отстоим с оружием в руках Бэйпин, Тяньцзинь и весь Северный Китай! Будем защищать родную землю до последней капли крови! Китайский народ, правительство и армия! Сплотимся воедино и воздвигнем нерушимую Великую стену единого национального фронта для отпора агрессии японских бандитов! Пусть гоминдан и коммунистическая партия в тесном сотрудничестве дадут отпор новому наступлению японских бандитов! Изгнать японских бандитов из Китая!» [14, с. 12].

15 июля 1937 г. Центральным Комитетом Коммунистической партии Китая была составлена Декларация об установлении сотрудничества между КПК и Гоминьданом. По мнению Мао Цзэдуна, победа над японцами была осуществима только путем прекращения гражданской войны, и от создания общенационального фронта сопротивления против японской агрессии зависела судьба китайской нации. В тексте Декларации КПК ставила следующие цели:

1. завоевать независимость и свободу китайской нации, для чего необходимо в первую очередь быстрыми темпами и по-настоящему вести подготовку и мобилизацию народа на национально-революционную войну за возвращение потерянных территорий, за восстановление суверенитета и территориальной целостности Китая;

2. осуществить режим народовластия, созвать национальное собрание для принятия конституции и мероприятий по спасению страны;

3. обеспечить счастливую и спокойную жизнь китайскому народу, для чего необходимо в первую очередь по-настоящему оказывать помощь пострадавшим от стихийных бедствий, повышать народное благосостояние, развивать экономику, имеющую оборонное значение, устранять страдания народа и улучшать его жизнь [31, с. 354].

Гоминьдан принял предложение и опубликовал декларацию в печати лишь спустя три месяца, после того, как его войскам был нанесен ряд поражений. Чан

Кайши вынужден был признать: «Будучи слабой нацией, мы должны точно и ясно оценивать и соразмерять собственные силы. Хотя мы и слабая нация, но если нас доведут до предела, нам останется лишь одно – собрать все силы, всю нашу энергию, все возможности нашей нации и начать борьбу за национальное существование. Когда это произойдет, ничто не заставит нас остановиться на полпути, чтобы снова говорить о мире... Мы принуждены отразить удар, грозящий нашему существованию...» [26, с. 8].

Таким образом, Коммунистическая партия была официально признана легальной (до этого деятельность КПК была ограничена, осуществлялись массовые аресты коммунистов, коммунистические организации в городах подлежали разгрому).

В знак доказательства искренней приверженности идее сотрудничества ради спасения нации КПК обязалась выполнить ряд условий:

1) Последовательно бороться за осуществление трех народных принципов Сунь Ятсена, которые ныне необходимы для Китая;

2) Прекратить политику восстаний за свержение власти гоминдана, политику советизации и насильственной конфискации помещичьих земель;

3) Реорганизовать ныне существующий советский район КСР (Китайская Советская Республика) с красным правительством в «Особый район Китайской Республики» или Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся с демократическим режимом [11, с. 158];

4) Отменить наименование «Красная армия» и нумерацию ее частей и реорганизовать ее в Национально-революционную армию, принимающую верховное руководство Военного совета Национального правительства и ожидающей приказа о выступлении на фронт для выполнения своего долга [48].

В августе 1937 г. Компартия созвала в Лочуане, находящемся на севере провинции Шэньси, расширенное совещание Политбюро ЦК, на котором обсудила линию и формы работы, которых ей стоит придерживаться в борьбе с японскими захватчиками. ЦК КПК была опубликована четкая Программа

спасения Родины и сопротивления врагу. Данная программа содержала в себе следующие положения:

1. Разгромить японский империализм

Это положение предполагало разорвать всяческие дипломатические отношений с Японией, изгнать из страны должностных лиц японского происхождения, конфисковать имущество японцев в Китае, признать долговые обязательства по отношению к Японии, концессии и договоры с ней недействительными.

«Драться до последней капли крови, защищая Северный Китай и приморские районы страны. Драться до последней капли крови за освобождение Бэйпина, Тяньцзиня и Северо-Востока. Изгнать японских империалистов из Китая. Борьба против всяких колебаний и соглашательства» [29, с. 149].

2. Всеобщая военная мобилизация

Мобилизовать все военные силы Китая, и развернуть антияпонскую войну общегосударственного масштаба. Взять установки на активные, самостоятельные и инициативные боевые действия и не поощрять пассивность военные действия чисто оборонительного характера.

Учредить постоянно функционирующий Совет Национальной Обороны, обсуждающий и принимающий планы национальной обороны, дающий установки, как вести сражения. Сплотить армию и простого народа общей идеей, предполагающей вооружение народа, ведение партизанской войны против захватчиков и его взаимодействие с регулярной армией. Проводить в армии политическую работу, направленную на сплочение командования и бойцов и развитие активности армии. Обеспечить равные условия снабжения войск оружием и продовольствием. Помогать Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии и дезорганизовать вражеский тыл. Создавать в стране военные округа, и мобилизовать народ на войну под лозунгами общенациональной идеи, предполагающими постепенный переход от наемной армии к системе всеобщей воинской повинности.

3. Всеобщая мобилизация народа

Объявить легальными всевозможные общественные объединения и партии (кроме предателей нации), чья деятельность направлена на борьбу с врагом. Даровать им свободу слова, печати, собраний и союзов и поощрять инициативу самостоятельного вооруженного отпора захватчикам. Упразднить все старые законы и распоряжения, преследующие и ограничивающие патриотические движения, издать новые, революционные законы и распоряжения. Объявить амнистию для всех политзаключенных: революционеров и активистов.

Все население Китая задействовать в войне против японских захватчиков. У кого есть силы – пусть отдает силы, у кого есть деньги – пусть дает деньги, у кого есть оружие – пусть дает оружие, у кого есть знания – пусть дает знания. Осуществляя принципы национального самоопределения и автономии, мобилизовать монгольское, мусульманское и другие национальные меньшинства для совместной борьбы против японских захватчиков [14, с. 30].

4. Перестроить систему государственного управления

Создать некоррупцированный властный аппарат, ввести местное самоуправление и борьбу с коррупцией и взяточничеством на местах. Созвать Национальное собрание, куда войдут представители народных организаций. Деятельность национального собрания должна основываться на принципах демократической конституции и быть направлена на определение линии борьбы против японцев. Национальное собрание избирает Правительство национальной обороны, куда войдут революционные элементы, партии и группы (за исключением представителей прояпонских взглядов). Деятельность Правительства национальной обороны основывается на принципе «демократического централизма»: должно быть демократическим и вместе с тем централизованным и включала в себя ведение революционной политики борьбы с японскими захватчиками.

5. Внешняя политика, подчиненная задачам борьбы против японских захватчиков

Заключить союзы и соглашения об обязательной военной помощи со всеми государствами, выступающими против агрессивной политики Японии, на условиях, обеспечивающих сохранение суверенных прав Китая на свою территорию. Вести борьбу против японского, германского и итальянского фашизма, поддерживая международный фронт мира.

6. Финансовая и экономическая политика военного времени

Финансовая политика должна основываться на принципе: «у кого есть деньги – дает деньги»; собственность национальных предателей конфискуется и идет на покрытие расходов по ведению войны против японских захватчиков. Экономическая политика должна быть направлена на приведение в порядок и расширение оборонного производства, развитие сельского хозяйства, обеспечение собственными силами снабжения страны в военное время необходимой продукцией; на всемерное поощрение сбыта отечественных товаров, улучшение качества местной продукции, полное запрещение продажи японских товаров, обуздание спекулянтов, борьбу против спекулятивных махинаций [14, с. 34].

7. Улучшение условий жизни народа

Улучшить материальные условия для участников борьбы с японцами (рабочих, служащих, работников просвещения и военнослужащих) и их семей: предоставлять им льготы, снизить размеры арендной платы за землю, ссудные проценты, налоги и сборы. Предоставлять льготы семьям военнослужащих – участников борьбы с захватчиками. Регулировать продовольственное снабжение. Ввести социальные гарантии и помощь для безработных и пострадавших от стихийных бедствий.

8. Народное образование, подчиненное задачам борьбы против японских захватчиков

Полностью изменить всю систему образования. Новая программа предполагает воспитание молодежи в духе борьбы с захватчиками и идеи спасения родины.

9. Укрепление тыла через очищение страны

Провести чистку национальных предателей и элементов с прояпонскими взглядами.

10. Сплочение всей нации во имя борьбы против японских захватчиков

На основе сотрудничества Гоминдана и Коммунистической партии создать единый антияпонский национальный фронт, который объединит все партии и группы, все слои населения и все армии нашей страны и возглавит войну; искренне сплотиться и общими усилиями спасти родину [14, с. 35].

25 сентября 1937 г. местным партийным организациям, недовольным «беспринципным приспособленчеством» КПК к Гоминьдану в условиях войны, был подготовлен и разослан Проект решения Центрального комитета Коммунистической партии Китая по вопросу об участии Коммунистической партии в органах власти.

Проект содержал положения, разъясняющие условия участия Коммунистической партии в центральном правительстве Китая.

1. Обстановка, сложившаяся к настоящему времени в войне против японских захватчиков, настоятельно требует создания общенационального правительства единого антияпонского национального фронта в интересах руководства национально-революционной войной против японских захватчиков и одержания победы над японским империализмом.

Коммунисты готовы войти в такое правительство, то есть непосредственно и официально занять в этом правительстве административные посты и играть в нем активную роль. Однако такого правительства пока еще нет. Нынешнее правительство – это правительство однопартийной диктатуры Гоминдана.

2. Коммунистическая партия Китая сможет участвовать в правительстве только тогда, когда правительство однопартийной диктатуры Гоминдана превратится в общенациональное правительство единого фронта, то есть когда оно:

а) примет основные положения предложенной нашей партией «Программы сопротивления Японии и спасения родины» и на их основе обнародует правительственную программу;

б) в своей практической деятельности начнет проявлять искреннее желание и прилагать усилия для осуществления этой программы, причем достигнет в этом направлении определенных результатов;

в) допустит легальное существование организаций коммунистической партии и гарантирует коммунистической партии свободу мобилизации народных масс, свободу их организации и воспитания.

3. До тех пор пока Центральный Комитет партии не примет решения об участии в центральном правительстве, члены коммунистической партии, как правило, не должны входить в местные органы власти, а также не должны участвовать в работе различных советов и комитетов по административным вопросам, подчиненных исполнительным органам правительства как в центре, так и на местах. Такое участие в работе правительственных органов только затушевало бы политическое лицо коммунистов, продлило бы диктаторское господство Гоминдана и нанесло бы ущерб делу создания единого демократического правительства.

4. Однако в местных органах власти районов, находящихся в особых условиях, как, например, районов военных действий, в силу того, что прежние правители уже не могут править по-старому и в основном согласны проводить в жизнь предложения коммунистической партии, а коммунистическая партия уже добилась права легальной деятельности, а также в силу создавшегося ныне критического положения, при котором участие коммунистической партии в работе органов власти становится необходимым как с точки зрения народных масс, так и с точки зрения самих этих органов, коммунисты могут идти на участие в работе органов власти. В районах же, захваченных японскими бандитами, коммунистическая партия и подавно должна открыто выступать как организатор власти единого антияпонского фронта.

5. Пока Коммунистическая партия не войдет официально в правительство, ее участие в таких представительных органах, как всекитайское Национальное собрание, которые занялись бы обсуждением демократической конституции и линии борьбы за спасение родины, в принципе допустимо. Поэтому коммунистическая партия должна энергично бороться за избрание своих членов в Национальное собрание, чтобы использовать трибуну этого собрания для пропаганды платформы коммунистической партии и тем самым мобилизовать народ, сплотить его вокруг нашей партии и ускорить создание единого демократического правительства.

6. Центральный Комитет и местные комитеты коммунистической партии на основе определенной, совместно выработанной программы и полного равенства с центральным и местными комитетами гоминдана могут создавать организации единого фронта, например различные объединенные комитеты, такие, как Союзная лига борьбы за национальную революцию, комитеты массового движения, мобилизационные комитеты во фронтовых районах и т. д.

Коммунистическая партия должна путем таких совместных действий с гоминданом добиваться сотрудничества двух партий – Гоминдана и Коммунистической партии.

7. После переименования Красной армии в Национально-революционную армию, а органов красной власти – в органы власти Особого района их представители, используя завоеванное ими легальное положение, могут входить во все военные и массовые организации, которые служат делу сопротивления японским захватчикам и спасения родины.

8. В частях бывшей Красной армии и во всех партизанских отрядах совершенно необходимо сохранять безраздельное руководство коммунистической партии. В этом вопросе для коммунистов недопустимы никакие колебания принципиального характера [14, с. 113–115].

С 16 сентября по 6 ноября 1938 года в штаб-квартире КПК, небольшом городе Яньани, затерянном в горах на севере Китая, проходили заседания шестого

плenums ЦК КПК шестого созыва. Это был важный пленум. Коренным образом изменилась ситуация: началась широкомасштабная японская агрессия, на территории собственно Китая, прекратилась, во всяком случае декларативно, гражданская война и налаживалось сотрудничество между двумя главными политическими силами Китая – Гоминьданом и Компартией Китая – в целях оказания всей мощью объединившейся китайской нации отпора Японии. Весьма существенно переменялась и обстановка внутри самой КПК, которая проявляла все большую самостоятельность [7, с. 5]. Мао Цзэдун, выступавший на этом пленуме от лица Политбюро с докладом «О новом этапе», в дальнейшем утверждал, что «шестой пленум ЦК решил судьбу Китая» [7, с. 5]. На пленуме еще раз оговорились главные задачи партии: поддержание единого антияпонского фронта, стимулирование народа вести вооруженную борьбу против японских захватчиков, ведение работ во фронтовых районах и тылу врага. Последние два пункта преподносились именно как заслуга КПК. Также Мао Цзэдуном были выдвинуты «насущные задачи китайской нации», выполнение которых, по его словам, должно привести к перелому в войне в пользу Китая.

1) всемерное укрепление веры нации в свои силы, поддержка национально-освободительной войны, преодоление пессимистических настроений и борьба против соглашательства и капитулянтства;

2) искренняя поддержка председателя ЦИК Гоминьдан Чан Кайши, Национального правительства и тесного сотрудничества гоминдана, Коммунистической партии и всех антияпонских партий и группировок, борьба со всеми раскольническими замыслами, борьба против всяких марионеточных правительств;

3) усиление боевой мощи главных сил армии, увеличение ее численности, создание многих новых армий, улучшение политической работы, вооружения и обучения в войсках, защита юго-западных и северо-западных районов, разгром вражеского наступления;

4) всемерное развертывание партизанской войны в тылу врага, создание и укрепление многих опорных баз сопротивления врагу с тем, чтобы уменьшить территорию захваченных им районов, взаимодействие партизан с боевыми действиями главных сил армии;

5) улучшение военной техники, создание необходимых военных заводов с целью подготовить реальные силы для контрнаступления;

6) осуществление демократической политики при концентрированном руководстве, реформа политических органов, тесная связь между правительством и народом, максимальная эффективность антияпонской власти;

7) расширение массового движения и развитие массовых организаций (рабочих, крестьянских, студенческих, женских, молодежных, детских, работников культуры, торговцев), мобилизация широких масс для активного участия в национально-освободительной войне;

8) необходимо улучшать жизнь народа с целью поднять его энтузиазм в войне и в производстве;

9) осуществлять новую финансово-экономическую политику военного времени, увеличивать доходы, сокращать расходы и преодолевать финансово-экономические трудности в связи с войной;

10) осуществлять образование в духе защиты страны, поставить его на службу национально-освободительной войне;

11) сосредоточивать все силы для борьбы с японскими фашистскими агрессорами, усиливать пропаганду за рубежом, добиваться помощи из-за границы, осуществлять изоляцию Японии с тем, чтобы она не получала военных поставок из-за границы, а наша страна могла бы получать помощь от дружественных государств оружием, военными материалами, медикаментами, техническим персоналом и финансовую помощь;

12) создать единый фронт борьбы против агрессоров в составе народов Китая, Японии, Кореи, Тайваня с тем, чтобы вести совместную борьбу против японской фашиствующей военщины;

13) сплачивать в единый фронт все силы народов Китая (хань-жэнь, маньчжуров, монголов, мусульман, тибетцев, мяо, фань и др.) для совместного сопротивления японскому империализму;

14) выкорчевывать предателей китайского народа, вражеских шпионов, троцкистов и т. д., крепить фронт и тыл;

15) развивать Гомиьндан, Коммунистическую партию и все антияпонские партии и группировки, укреплять антияпонский единый национальный фронт, поддерживать затяжную национально-освободительную войну [50].

Помимо Мао Цзэдуна на пленуме выступал только что прилетевший из СССР Ван Мин (настоящее имя Чэнь Шаоюй), руководитель делегации ЦК КПК при Коминтерне. Ван Мин представил отчет о результатах своей шестилетней работы в Коминтерне и зачитал речь «О ситуации в антияпонской войне после падения Уханя». Общий смысл речи заключался в той же самой идее расширения и укрепления единого антияпонского фронта на основе сотрудничества с Гомиьнданом, Ван Мин считал, что без этого условия невозможна мобилизация и организация многомиллионного китайского народа на борьбу с Японией вплоть до победного конца с помощью союзников: СССР и антияпонских сил других стран. Также он раскритиковал политическую линию Мао Цзэдуна, представленную в работах «О затяжной войне» и «О новом этапе»: Ван настаивал на том, чтобы вся деятельность КПК осуществлялась строго в рамках единого фронта, в то время как Мао говорил о разворачивании деятельности за его рамками. Также он упрекал Мао Цзэдуна в слабой теоретической подкованности. Немногом раньше Ван Мин пересказал членам ЦК разговор со Сталиным и Димитровым (член Политической комиссии Исполкома Коминтерна, генеральный секретарь ИККИ). Сталин говорил о готовности Советского правительства обеспечить Китаю военную помощь и поддержку (в том числе, наладить военную промышленность и увеличить число военно-воздушных сил). Димитров же говорил о поддержке Китая со стороны коммунистического движения и Коминтерна.

Помимо этого Ван Мином было внесено предложение о принятии в члены ЦК Дун Биу, У Юйчжана и Линь Боцюя. Поскольку, во-первых, все трое старых товарища – депутаты НПКС от КПК; во-вторых, Дун Биу был еще делегатом первого съезда КПК. В-третьих, У Юйчжан был членом ЦИК Гоминьдана еще эпохи Сунь Ятсена. В-четвертых, Линь Боцюй тоже был членом ЦИК Гоминьдана при Сунь Ятсене, а теперь председателем правительства Пограничного района Шэньси-Гансу-Нинся. Пленум единодушно поддержал предложение Ван Мина, и все трое были кооптированы в члены ЦК [19, с. 63].

В конце пленума произошло событие, значимое для истории партии и советско-китайских отношений. Заключительную речь на пленуме произнес член Политбюро Ван Цзясян. Незадолго до пленума он возвратился из Москвы, общепризнанного тогда центра международного коммунистического движения и штаб-квартиры ВКП(б). В устной форме он довел до сведения членов ЦК КПК мнение Сталина и Г. М. Димитрова. Примерный смысл этого сообщения был таков: «Исходя из практики борьбы в ходе китайской революции, необходимо признать, что товарищ Мао Цзэдун является вождем Компартии Китая» [7, с. 5] и что на следующем (VII) съезде КПК необходимо избрать Мао генсеком партии. Позднее жена Димитрова Роза Юльевна писала, что это было фальсификацией, а идея избрания Мао Цзэдуна генсеком принадлежала не ее мужу, а З. Д. Мануильскому.

Заговор с Ван Цзясяном был не единственной интригой Мао Цзэдуна в борьбе за власть. После отъезда Ван Мина и других членов ЦК с пленума, он вступил в сговор с Лю Шаоци и вместе они приступили к разработке Кампании по упорядочению стиля и курса на «китаизацию» марксизма-ленинизма, а также к действиям, направленным на ослабление позиций Ван Мина в партии. Ван Мин, в свою очередь не оставался в долгу. О том, что Ван Мин «подрывал авторитет Мао Цзэдуна среди китайских товарищей в СССР», вышестоящим инстанциям доносили и референты отдела кадров ИККИ Г. И. Мордвинов (псевдоним – Крылов) и Чжан Суйшань (псевдоним – Борис Калашников), а также бывшие

члены делегации КПК в Коминтерне Ли Лисань и Чжао Иминь. Вот что, например, заявил по этому поводу 17 февраля 1940 г. в беседе с работниками ИККИ Ли Лисань: «Мне казалось, что главным источником распространения сведений о том, что Мао Цзэдун не является политическим руководителем, был Ван Мин. Он говорил мне, Сяо Аи (Чжао Иминю) и др., что Мао Цзэдун практически очень хороший человек, но теоретически очень слабый человек. Ван Мин в разговоре со мной и Сяо Аи, которому он доверял больше, чем мне, говоря о докладе Мао Цзэдуна на II съезде Советов, сказал, что в докладе есть много слабых мест и что он их исправил и теперь доклад стал лучше. Другие документы, полученные из Китая, также исправлялись и таким образом многие исправленные документы в Москве выглядели иначе, чем в Китае» [23, лл. 242–243].

Примерно в одно время с Пленумом в журнале «Цзефан», печатном политико-теоретическом органе ЦК КПК, была опубликована статья о необходимости сотрудничества между Коммунистической партией и Гоминьданом и его перспективах. Авторы статьи утверждали, что длительное сотрудничество этих политических систем служит гарантией достижения общих целей: победы над японскими захватчиками и строительства нового государства – Китайской республики трех народных принципов. Также в статье выражалась надежда, что сотрудничество вовремя войны в дальнейшем создаст основу и для послевоенного сотрудничества.

С этой целью шестой расширенный пленум ЦК КПК официально решил, что в Гоминьдане и его войсках не будут создаваться нелегальные организации КПК. Пленум вновь официально заявляет, что КПК будет искренне поддерживать три народных принципа, председателя ЦИК гоминдана Чан Кайши и национальное правительство. Пленум вновь обязывает коммунистов проникнуться духом взаимного сотрудничества, взаимных уступок, совместного преодоления трудностей, уважения независимости партий при сотрудничестве; работать на основе взаимных консультаций и помогать товарищам из гоминдана и всех антияпонских партий и группировок. Это делается не только с целью избежать

трений между гоминданом и КПК, улучшить и укрепить отношения между ними, но также с целью достижения длительного сотрудничества обеих партий. Шестой расширенный пленум ЦК КПК заявляет руководителю гоминдана Чан Кайши и членам ЦИК гоминдана: Коммунистическая партия Китая считает, что лучшей организационной формой сотрудничества обеих партий было бы вступление коммунистов в гоминдан и молодежный корпус трех народных принципов и передача руководящим органам гоминдана списков коммунистов, вошедших в эти организации при условии, что деятельность коммунистов в указанных организациях не будет преследоваться; другой формой могли бы быть совместные комитеты организаций обеих партий с целью осуществления сотрудничества этих партий. Шестой расширенный пленум считает, что надлежащее разрешение вопроса об организационных формах сотрудничества обеих партий имело бы величайшее значение в отношении обеспечения тесной связи и длительного сотрудничества между ними [50].

Также в статье было подчеркнуто, что и Гоминьдан, в свою очередь пошел на целый ряд уступок: опубликование программы Национального строительства и сопротивления врагу, созыв Национального политического совета, провинциальных и городских совещательных комитетов, легализация антияпонских партий и группировок, постепенное осуществление свободы слова, печати, собраний и организаций. Все эти уступки свидетельствовали, по словам авторов статьи, о постепенном переходе к демократии.

В конце статьи автор подводил к выводу, что внутривнутриполитическая и внешнеполитическая обстановка складываются так, что в настоящее время в Китае должна существовать не система «политической опеки одной партии над народом» и не советская социалистическая система. Нынешние события формируют базу для создания демократической республики особого типа – Республики трех народных принципов (там же).

Таким образом, на основании событий начального периода Японо-китайской войны (июль 1937 – октябрь 1938 г) можно сделать следующие выводы: благодаря

действиям Коммунистической партии, которая первая пошла на переговоры с Гоминьданом после начала войны, удалось прекратить гражданскую войну внутри страны и направить все силы на борьбу с внешним врагом. КПК удалось добиться легализации собственной партии и других партий и патриотических организаций, свободы слова и печати, а также мотивировать народ на борьбу с японскими захватчиками. Можно сказать, что огромная работа партии в этот период явилась важной политической подготовкой победы в войне против японских захватчиков.

КПК, отказавшись от гражданской войны и борьбы с Гоминьданом, продемонстрировала, что когда под угрозой стоит существование китайской нации в целом, то идея ее спасения для него важнее, чем установление и сохранение собственной власти, что повлекло за собой рост влияния и популярности Коммунистической партии среди населения. Кроме того, итогом первого периода войны можно назвать негласное утверждение Мао Цзэдуна в качестве лидера КПК и началом его внутривластных интриг и борьбы за упрочение власти.

Что же касается непосредственно театра военных действий, обстановка складывалась следующим образом. Япония, не достигнув своей главной цели – быстро вынудить Китай капитулировать, втягивалась в затяжную войну, в ходе которой могли истощиться все ее ресурсы, и она рисковала потерять свое военное преимущество. Уже в этот период выявилась главная особенность военных действий в условиях непрочного сотрудничества КПК и Гоминьдана — наличие двух фронтов войны с японскими захватчиками: гоминьдановского, сдерживавшего основные силы наступавшей японской армии, и фронта освобожденных районов, созданного вооруженными силами КПК в тылу захватчиков. Вместе с тем выявились не только политические, но и военные противоречия между КПК и Гоминьданом: создание освобожденных районов происходило не столько за счет освобождения захваченной территории от агрессоров, сколько за счет установления власти КПК на территориях за линией

фронта, «освобождаемых» от вооруженных сил и власти Гоминьдана, подорванной, естественно, военными действиями. В этой борьбе КПК благоприятствовало также наличие большого опыта партизанской войны и создания опорных баз, накопленного в войне против Гоминьдана в период еще советского движения. Эта ситуация была в военном и политическом отношении взрывоопасной, что и выявилось в полной мере в следующий период войны [13, с. 237].

1.2 КПК во второй период войны

В данный период Японо-китайская война стала частью Второй мировой войны, а Китай – участником антифашистской коалиции. Развитие международной ситуации все больше влияло на военные действия в Китае. Центральным событием в развитии международной обстановки явилось начало Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии, ход которой в решающей мере воздействовал на развитие военных действий на всех других фронтах, включая и войну в Китае [13, с.156].

В союзнических же отношениях КПК и Гоминьдана все было не так однозначно. Поскольку в первый период войны надежда Японии на быстрое решение «китайской проблемы» не оправдалась, ее властями был разработан новый, более тонкий план – вступить в сговор с Гоминьданом, подразумевающий сотрудничество Китая с Японией и Маньчжоу Го в создании «Нового порядка в Восточной Азии», экономическое сотрудничество и совместную борьбу с КПК. В декабре 1938 г. премьер-министр Японии Коноэ, отмечая новые победы императорской армии – захват Гуанчжоу и уханьского трехградья, пригрозил Чан Кайши: если Национальное правительство не прозреет, будет придерживаться политики сопротивления Японии и сотрудничества с коммунистами, то военные действия будут продолжаться до полного уничтожения врага. Если Чан Кайши не покорится, намекнул при этом Коноэ, то найдется и другое «китайское правительство», с которым империя будет иметь дело [5, с. 45]. Сам Чан Кайши от такого рода сотрудничества наотрез отказался и продолжил политику

сопротивления Японии. Однако внутри Гоминьдана нашелся предатель – председатель Центрального политического совета Гоминьдана и заместитель Чан Кайши в ЦИК Гоминьдана Ван Цзинвей. Он призывал к капитуляции и пытался убедить соратников по партии в бессмысленности сопротивления Японии. В декабре 1938 г. вместе с группой сторонников Ван Цзинвей бежал из Чунцина (временная столица Китая) на оккупированную территорию и открыто перешел на сторону врага. 30 марта 1940 г. В оккупированном японцами Нанкине возникло новое марионеточное государство – Китайская Республика Ван Цзинвэй. В какой-то степени в этом можно было найти положительный момент, поскольку пленных перестали уничтожать поголовно, отправляя их воевать в составе армии Ван Цзинвэй. Таким образом, в Гоминьдане произошел раскол.

Несмотря на возведение Ван Цзинвэй в статус предателя и формальное расхождение путей, его призывы к борьбе с коммунистами все же оказали влияние на последующие действия Чан Кайши. Популярность КПК росла как внутри страны, так и за рубежом, что вызывало опасение у членов Гоминьдана. В тот период в американской прессе начали активно публиковаться материалы, описывающие положение в подконтрольных районах КПК. Авторами статей были журналисты Э. Сноу, Г. Биссон, А. Смедли, Ф. Джаффе, О. Латтимор. Опасения в Чунцине перед возможным появлением объективной информации о КПК возрастали по мере публикаций материалов, авторы которых описывали Гоминьдан как защитника «привилегированного класса, индифферентного к проблеме благополучия масс».

В 1938 г. в Москве был издан сокращенный перевод книги «Красная звезда над Китаем» американского журналиста Э. Сноу – первого западного корреспондента, взявшего интервью у Мао Цзэдуна. Собственно, благодаря Сноу Мао и получил известность на Западе. Автобиография Мао, помещенная в русском издании книги Сноу, была очень сильно обработана. Все самокритичные замечания Мао Цзэдуна были изъяты, а сам текст сильно урезан и отредактирован, чтобы яснее оттенить главную мысль Сноу: Мао Цзэдун –

«законченный ученый классического Китая, глубокий знаток философии и истории, блестящий оратор, человек с необыкновенной памятью и необычайной способностью сосредоточения... Интересно, что даже японцы рассматривают его как самого блестящего китайского стратега. Он совершенно свободен от мании величия, но в нем сильно развито чувство собственного достоинства и твердой воли» [37, с. 415].

Недовольство Гоминьдана вызывало и творчество американской писательницы и журналистки Агнесс Смедли, автора биографии генерала КПК Чжу Дэ, книг «Рассказы о Китайской красной армии» и «Китайские судьбы», в которых она выражала восхищение мужеством коммунистов. Согласно некоторым данным, на нее даже совершались покушения, организованные Гоминьданом.

Жена Чан Кайши Сун Мэйлин критически высказалась об этих материалах. Эти сообщения показывали высокую общественную и личную нравственность коммунистов, их честность, готовность к самопожертвованию, решимость и благородство духа. Такого первая леди Китая перенести не могла. «Но я не понимаю, – патетически восклицала она перед журналистами, – разве коммунисты могут быть благородными и честными, как вы их изобразили?!» [5, с. 47].

От имени центрального правительства был издан приказ об упразднении системы политкомиссаров и политической работы коммунистов в народных войсках. Чанкайшистская клика намеревалась перебросить войска коммунистов на самые опасные участки фронта войны против японской агрессии, чтобы руками японских милитаристов ослабить и уничтожить их (Краткая история коммунистической партии).

В общем, усиление позиций КПК способствовало сильной напряженности отношений внутри единого фронта. Так, например, советский маршал В. Чуйков, бывший в эти годы советником китайской армии, описывая в своих мемуарах разговор с Чжоу Эньлаем (в годы Японо-китайской войны представитель КПК

для переговоров с Гомиьнданом по вопросам политики единого антияпонского фронта) и Е Цзяньинем (в годы Японо-китайской войны представитель КПК в Чунцине при Гомиьндановском правительстве Чан Кайши), цитирует их слова о том, что на самом деле, главный враг Гомиьндана в этой войне не японцы, а коммунистическая партия [30, с. 63]. Чан Кайши приступил к принятию мер, направленных на ограничение деятельности коммунистов и их последующее ослабление. 1 апреля 1939 г. Генералиссимус выступил на заседании Политического совета. Тезис о едином фронте вдруг исчез из его лексикона. «Главной заботой правительства и командования, – заявил оратор, – является ликвидация баз коммунистической деятельности и пропаганды». Чан Кайши поставил эту задачу рядом с задачей борьбы с агрессором [5, с. 50]. Некоторые патриотические движения и мелкобуржуазные элементы, тяготеющие к Гомиьндану, выступали с требованием «поменьше призывов, побольше предложений», считая, что Коммунистическая партия Китая и другие партии должны лишь выдвигать предложения перед Гомиьнданом, но не призывать массы к борьбе против японских захватчиков самостоятельно [20, с. 148]. Среди членов Гомиьндана, формально не поддержавших Ван Цзинвэя и оставшихся с Чан Кайши также наметились тенденции на капитуляционистские и антикоммунистические настроения.

7 июля 1939 г. ЦК КПК опубликовал Декларацию об особенностях политической обстановки к двухлетней годовщине антияпонской войны.

Авторы данной декларации обличали людей Чан Кайши, обвиняя их в планирующемся сговоре с японскими захватчиками и деятельности, направленной против национального единства китайского народа путем распространения слухов о недостаточности военной и финансовой мощи страны и планах Японии отказаться от уничтожения китайской нации, которые приводят к ослаблению воли народа к борьбе. Далее отмечалось, что «распространяются также лживые слухи о готовящемся посредничестве некоторых государств и грязные теории о том, что гибель Китая последует не от врага, а от

коммунистической партии; за этим следуют статьи и действия, которые не могут не пособничать японским планам уничтожения Китая и попыткам предателей запродать Китай. Поскольку японские захватчики рассматривают прогресс и сплочение нашей страны как главное препятствие на пути к осуществлению своих планов уничтожения Китая, они не могут не пытаться всеми силами подорвать этот процесс и сплочение, а внутренние капитулянты и соглашатели тайно помогают им в этом. Они обливают грязью 8-ю Национально-революционную армию, Новую 4-ю Национально-революционную армию, Коммунистическую партию, и Пограничный район Шэньси – Ганьсу – Нинся, нападают на них, вредят им и считают их бельмом на своем глазу. Они всячески сковывают мысль и действия молодежи, представляющей будущее страны и нации. Но что особенно важно, они изо всех сил подрывают сплочение страны, фабрикуют провокации, разжигают трения и внутренние распри. Все это делается потому, что коммунистическая партия, 8-я НРА, Новая 4-я НРА и Пограничный район Шэньси – Ганьсу – Нинся поддерживают антияпонскую войну, потому, что сплоченность гоминдана и компартии составляет основу единого национального фронта и без раскола этих организаций и разрушения указанной базы невозможно создать условия для капитулянтского мира» [50].

Складывающуюся ситуацию авторы статьи сравнивали с Мюнхенским сговором и призывали не поддаваться на провокации, дабы избежать внутреннего раскола и продолжать курс на объединенный фронт.

В августе 1939 г. стало известно, что Советский Союз подписал Договор о ненападении с гитлеровской Германией. Но это не изменило основ политики Объединенного фронта. Мао Цзэдун приветствовал «пакт Риббентропа – Молотова» как позитивный шаг, который расстроит планы французской и английской реакционной буржуазии» и «нанесет удар по китайским капитулянтам» [36, с.185].

Но вернемся к нарастающему конфликту внутри единого фронта. Претензии Гоминьдана вполне имели под собой основания, поскольку основная нагрузка,

связанная с военными действиями ложилась именно на него. КПК же в вопросах военных действий вела себя пассивно, накапливая силы для последующей борьбы с Гомиьнданом. За эти годы по своей инициативе она провела лишь одну крупномасштабную наступательную операцию, вошедшую в историю под названием «Битва ста полков» (август–ноябрь 1940). В этот период части 8-й армии захватили основные опорные пункты и коммуникации японской армии, промышленные предприятия, имеющие большое значение для японцев, шоссейные и железные дороги в Северном Китае. Однако успешными итоги операции назвать сложно, поскольку в 1941 г. японцы, боясь увеличения количества освобожденных районов в своем тылу, отбили их обратно, проявив при этом поразительную жестокость. Японцы применили тактику «трех всех»: убить всех, сжечь все, ограбить все», уничтожая целые деревни, включая мирных жителей и скот. Расправы над крестьянами и мирными жителями учинялись для того, чтобы те прекратили помогать коммунистическим партизанским отрядам. Однако этот план японцев срабатывал далеко не на всех территориях. По большей части, мирные жители проникались еще большей ненавистью к Японии. Такие их настроения КПК использовала для мобилизации новых членов партизанских отрядов. По итогам, население районов, подконтрольных КПК сократилось почти в половину (с 44 млн чел. до 25 млн чел.) и потери 8-й армии составили 100 тыс. чел. [25, с. 54].

Существовали также постоянные военные группировки, которые базировались в своих родных регионах, находившихся под контролем прояпонских марионеточных режимов. Такие местные соединения поддерживались отрядами милиции, в которых служили мужчины и женщины в возрасте от 16 до 45 лет, имевшие постоянную работу в деревнях и городах. Эти милиционеры были плохо вооружены, но они собирали разведывательную информацию, хорошо знали местность, что было важно для действий регулярной армии. Компартия также старалась получить поддержку со стороны местных милитаризованных тайных обществ, которые были сильны в Северном Китае, прежде всего Общества

Старших братьев и Общества Красных копий; КПК склоняла их на антияпонские позиции [38, с. 464].

В то время как 8-я армия создавала фронт боевых действий в Северном Китае, партизанские отряды, разворачивающие действия в районах, примыкающих с севера и юга к реке Янцзы, были переформированы в Новую 4-ю армию. Командующим Новой 4-й армией был назначен ветеран Северного похода Е Тин, а его заместителем – коммунист Сян Ин. В годы гражданской войны после разгрома Гуанчжоуского восстания Е Тин был вынужден скрываться за границей, однако после создания антияпонского фронта, когда была объявлена амнистия для политических заключенных и эмигрантов, и были прекращены преследования коммунистов, Е Тин вернулся на родину и включился в борьбу с захватчиками. Изначально Чан Кайши был настроен против назначения коммунистов командующими армией и требовал назначения милитариста, но Компартия настояла на своем. Весной 1938 г. партизанские отряды, находившиеся в районах реки Янцзы, сосредоточились на юге провинции Аньхой и были переформированы в 1, 2 и 3-ю колонны Новой 4-й армии. Партизанские отряды, действующие севернее реки Янцзы сконцентрировались в местности Цилипин (уезд Хуанань провинция Хубэй) и в поселке Чжоугочжэн (уезд Цююшань провинции Хэнань) и были переформированы в отдельную 4-ю колонну Новой 4-й армии. В мае командование Новой 4-й армии, оставив 3-ю колонну в южной части провинции Аньхой, двинуло на Восток другие соединения. Они разделились на две колонны, следующие по северному и южному берегам Янцзы. 2-я колонна вклинилась во вражеский тыл на юге провинции Цзянсу, развернув там партизанскую войну и освободив обширный сельский район с центром в Маошане. 4-я колонна прорвалась в центральные и восточные уезды провинции Аньхой и наносила захватчикам удары в районах, находящихся между Хуайнанской и Тяньцзинь-Пукоуской железными дорогами.

Активные действия разворачивала Новая 4-я армия и в дельте Янцзы по направлению Шанхай – Нанкин – Ханчжоу, входящего в границы третьего

военного района под командованием генерала Гомиьндана Гу Чжутуна. Увеличение численности регулярных войск КПК, проявление ими все большей самостоятельности, и расширение ею количества Освобожденных районов с последующим созданием в них опорных баз вызывали у Чан Кайши и его генералов опасение, что коммунисты постепенно утвердятся в Центральном Китае и его богатых промышленных районах и захватят всю власть. Эти опасения послужили причиной принятия ряда превентивных мер для предотвращения такого рода сценария.

С весны 1940 г. правительственные войска под командованием чанкайшистского генерала Ли Цзунжэня неоднократно наносили удары по Новой 4-й армии, оттесняя ее из районов, освобожденных от японских захватчиков [30, с. 63].

А между представителем КПК Чжоу Энлаем и Чан Кайши состоялся разговор, в ходе которого глава Гомиьндана в резкой форме потребовал от Новой 4-й армии и 18-й армейской группы строгого подчинения его приказам. Чан Кайши заявил, что КПК «за последние годы проявила себя нехорошо, перешла в другой район, расширяя свое влияние, увеличивая без разрешения свои войска, организуя партизанские отряды, сосредоточивая свои войска вокруг войск центрального правительства» [30, с. 65]. Чан Кайши потребовал перехода войск Новой 4-й армии на северный берег Янцзы и сокращение их численности до 80 тысяч человек. В противном случае он пригрозил выступить против армии КПК. И у самого Чжоу, и у личного состава армии были большие опасения, что Гомиьндан нанесет удар во время перехода. Командование армией торговалось по мелочам по поводу маршрута своего марша на север, обеспечения безопасности и золотого резерва, который они брали с собой. Опасаясь, что гомиьндановские войска могут предпринять враждебные действия, политическое руководство Новой 4-й армии организовывало народные собрания и митинги, на которых рассказывало, что армия предана идеям Объединенного фронта и выполнит приказ [25, с. 52].

В декабре 1940 г. встреча Чжоу Эньлая с Чан Кайши состоялась повторно. Генералиссимус выказал недовольство слишком медленным отходом войск и требовал беспрекословного подчинения коммунистов. Он открыто заявлял, что не желает делить власть с кем-то еще, и называл себя единоличным держателем власти в стране. Чжоу Эньлай взял с Чан Кайши обещание, что дислокация армии пройдет безопасно, на что получил клятвенное заверение, что Гоминьдан не ставит перед собой цель уничтожать КПК, не желает военного конфликта и дорожит сотрудничеством. Несмотря на данные обещания, 19 декабря 1940 г. был подписан приказ на уничтожение Новой 4-й армии. Приказ, что характерно, Чан Кайши подписал не сам, а поручил это сделать военному министру Чунцинского правительства Хэ Инциню, на которого можно было переложить ответственность за нарушение договоренности и последующие события.

1 января 1941 г. части Новой 4-й армии начали отходить за Янцзы. 3 января руководство КПК телеграфировало Чан Кайши из Яньани о маршруте и графике перехода армии. 6 января против девятитысячного отряда Новой 4-й армии выступили 12 дивизий командующего 3-м районом генерала Ту Чжутуна. Внезапное нападение облегчило задачу правительственным войскам. Сражения длились с 7 по 13 января. Им удалось разгромить штабную колонну, взять в плен командующего Новой 4-й армией генерала Е Тина, многих высших ее командиров. Заместитель Е Тина – Сян Ин, раненный в бою, был схвачен и зверски убит гоминьдановцами. Чан Кайши издал приказ о расформировании Новой 4-й армии [30, с. 68]. Около трех тысяч бойцов Новой 4-й армии были убиты, часть была расстреляна или сослана в тюремные лагеря, командование попадало под суд военного трибунала. 17 января Чан Кайши приказал расформировать Новую 4-ю армию «за недисциплинированность».

В Яньани на приказ отреагировали незамедлительно. 20 января 1941 г. Мао Цзэдун от имени Военного совета ЦК КПК издал приказ о назначении нового командования Новой 4-й армии. Чэнь И назначался временно исполняющим обязанности командующего, Чжан Юнь-и – его заместителем, Лю Шаоци –

политическим комиссаром, Чжан Юнь-и – заместителем командующего армией, Лю Шао-ци – комиссаром армии, Лай Чуань-чжу – начальником штаба армии, а Дэн Цзы-хуэя – начальником политуправления Новой 4-й армии. Реввоенсовет поручил перечисленным лицам во главе с исполняющим обязанности командующего армией Чэнь И со всей энергией взяться за приведение армии в порядок, сплотить её, усилить сотрудничество армии с народом и, во исполнение трёх народных принципов Сунь Ятсена и руководствуясь его завещанием, укреплять и расширять единый антияпонский национальный фронт, вести борьбу в защиту нации и государства, за решительное доведение войны с японскими захватчиками до полной победы, за предотвращение вероломных нападений прояпонской клики [15, с. 411].

Одновременно было дано секретное указание всем вооруженным силам КПК и членам партии готовиться к новой гражданской войне. События в Южном Аньхое приравнивались к контрреволюционному перевороту Чан Кайши в 1927 г. Всем членам КПК, находившимся в городах под контролем Гоминьдана было приказано спешно выехать или перейти на нелегальное положение [24, с. 2020].

Г. Димитрову даже пришлось вмешаться и отправить в Особый район срочную телеграмму, в которой он уговаривал КПК не разрывать единый фронт.

18 января 1941 г. в органе КПК, газете «Синьхуа Жибао» было опубликовано стихотворение Чжоу Эньлая «Памяти жертв, павших во имя Родины к югу от Янцзы». В переводе это стихотворение звучало так:

Большое зло, равного которому не знала история,

Учинено к югу от Янцзы в отношении Е (Е Тина, прим. автора).

Почему среди членов одной семьи

Один поднял нож на другого?

Факсимиле этого стихотворения было помещено на том месте газетной полосы, где должно было быть изъятое гоминьдановцами сообщение о ненападении на колонну Новой 4-й армии. Когда люди Гоминьдана начали арестовывать и избивать газетчиков, продающих этот номер «Синьхуа жибао»,

Чжоу Эньлай вместе с сотрудниками представительства КПК в Чунцине сами лично вышли на улицу и стали продавать газеты. Стихотворение вызвало сочувственную реакцию среди широких народных масс.

Действия Чан Кайши по отношению к Новой 4-й армии вызвали резонанс не только среди простого народа, поддерживающего коммунистов, но и в кругах китайской интеллигенции, занятой в сферах культуры, образования, науки и техники и предпринимателей. В Чунцине ими была создана Лига демократических партий и организаций Китая. В программе Лиги политика Гоминьдана подвергалась резкой критике.

Демократическая лига Китая, объединившая мелкие политические организации, которые в отдельности вряд ли смогли бы воздействовать на политическую жизнь страны, образовалась в марте 1941 г., а в октябре того же года была опубликована ее программа. Основное внимание в ней уделено проблеме демократизации Китая как важнейшей предпосылке достижения победы в войне сопротивления, причем эта задача формулировалась по сути в антигоминьдановском духе – «положить конец однопартийному контролю за государством». Противостояли Гоминьдану и экономические требования Демократической лиги, в которых акцент делался на поддержку свободы предпринимательства, хотя и признавалась ведущая экономическая роль государства. Программные установки и состав руководства Демократической лиги (Чжан Лань, Ло Лунцзи, Чжан Боцзюнь, Шэнь Цзюньжу, Чжан Цзюньмай, Лян Шумин, Хуан Яньпэй, Чжан Дунсунь и др.) ясно указывали на политические и социальные ориентиры объединения буржуазно-демократических элементов, стремившихся занять промежуточное положение между Гоминьданом и компартией, стать «третьей силой», способной сыграть решающую роль в борьбе за будущее переустройство Китая. Несмотря на эту промежуточность своей идейно-политической позиции, в реальных политических условиях гоминьдановского Китая буржуазно-демократические силы фактически солидаризировались с КПК в критике гоминьдановской авторитарной власти [51].

С публичной критикой генералиссимуса выступили и его сторонники, такие как вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин, член Гоминьдана Хэ Сяннин и многие другие. Складывающаяся обстановка могла вылиться в новую гражданскую войну.

22 января 1941 г. КПК предъявила правительству «Двенадцать требований».

1. Остановиться на краю пропасти, пока ещё не поздно, и прекратить свои провокации.

2. Отменить реакционный приказ от 17 января и признать себя полностью неправыми.

3. Наказать Хэ Инциня, Гу Чжутуна и Шангуань Юнь-сяна как главных виновников кровавых событий на юге провинции Аньхой.

4. Вернуть свободу Е Тину и восстановить его в должности командующего Новой 4-й армией.

5. Полностью возратить личный состав и вооружение Новой 4-й армии, захваченные во время событий на юге провинции Аньхой.

6. Материально обеспечить всех раненых командиров и бойцов, а также семьи воинов Новой 4-й армии, погибших на юге провинции Аньхой.

7. Отозвать из Центрального Китая так называемые «антикоммунистические карательные» войска.

8. Сравнять с землей все сооружения, воздвигнутые на Северо-Западе в целях блокады (Имеется в виду организованная гоминдановскими реакционерами блокада Пограничного района Шэньси – Ганьсу – Нинся. После 1939 года гоминдановцы, силой сгоняя на работы население, построили вокруг Пограничного района пять линий сооружений, состоявших из рвов, стен и блокгаузов, протянувшихся через несколько провинций, начиная от Нинся на западе, вдоль реки Цзиншуй на юге, до реки Хуанхэ на востоке. Накануне событий на юге провинции Аньхуэй численность войск, окружавших Пограничный район, была увеличена более чем до 200 тысяч человек).

9. Освободить всех политических заключённых-патриотов.

10. Упразднить однопартийную диктатуру, установить демократический режим.

11. Претворить в жизнь три народных принципа и руководствоваться завещанием Сунь Ятсена.

12. Арестовать и предать суду главарей прояпонской клики.

«Если вышеуказанные 12 пунктов будут выполнены, – писал Мао Цзэдун, – то положение дел само собой выправится, а мы, коммунисты и весь китайский народ, создавать осложнений, конечно, не будем. Если же эти пункты выполнены не будут, то мы при всём своём желании ничем помочь не сможем, ибо «мне кажется, что беда для Цзи Суня таится не в княжестве Чжуаньюй, а в стенах его собственного дворца (Слова Конфуция из книги «Луньюй». Цзи Сунь был сановником княжества Лу в эпоху Чуньцю; Чжуаньюй – небольшое княжество, существовавшее в ту эпоху. Цзи Сунь собирался в поход на княжество Чжуаньюй. Конфуций считал, что беда грозит Цзи Суню не извне, а таится в самом же княжестве Лу), и реакционеры, подняв камень, себе же отшибут ноги. Мы ценим сотрудничество, но необходимо, чтобы и они тоже его ценили. Надо прямо сказать, что наши уступки имеют границы, и период уступок уже закончился. Реакционеры, обнажив меч, нанесли первый удар, и причинённая этим мечом рана очень глубока. Если они ещё думают о будущем, то должны сами взяться за лечение этой раны. Лучше поздно, чем никогда! Это жизненно важно для них самих, и мы не можем не сделать им последнего предупреждения. Если же они будут упорствовать, будут продолжать творить свои безобразия, то терпению китайского народа придёт конец, и он выкинет их на помойку; тогда будет уже поздно каяться» [15, с. 420–422].

Однако вплоть до выступления Чан Кайши на сессии Национально-политического совета (НПС) Китая (Орган, созданный Чан Кайши в июле 1938 г.) из представителей гоминьдана и других партий и группировок. Абсолютное большинство членов Национально-политического совета (88 из 110) составляли гоминьдановцы)) 6 марта Компартия не получила ответа на свои требования.

Ни КПК, ни Гоминьдан не переходили к крупным вооруженным столкновениям. Их противостояние выражалось в политических наступлениях. Со стороны Гоминьдана: ликвидация представительств 8-й армии в провинции Гуанси, закрытие транспортной конторы 18-й армейской группировки в Сиане, преследование левых организаций в Чунцине, Сиане, Ченду и других городах, закрытие издательства Синь Шен, аресты молодежи в 6-м военном районе, усиление полицейского надзора за членами компартии и левых организаций.

КПК, в свою очередь, распространяла листовки, обличающие Гоминьдан. В пригороде Чунцина были проведены митинги против травли «Синьхуа жибао». Однако они не переросли в широкомасштабные протестные акции, поскольку КПК эвакуировала из Чунцина представителей левых организаций, и выходить на демонстрации было практически некому.

Переговоров между Гоминьданом и КПК носили номинальный характер, т. к. никто из членов Гоминьдана не хотел быть причастным к случившемуся и каждый старался спрятаться за спинами другого, не давая внятных ответов. Изначально со стороны Гоминьдана за связи с КПК отвечал начальник политического управления генерал Чжан Чжичжун. Однако вскоре он отстранился от этого дела. На его место был назначен Чжан Цюнь (1935–1937 гг. – министр иностранных дел, 1937–1939 гг. – вице-премьер, а в годы японо-китайской войны – губернатор провинции Сычуань, по факту, человек, далекий от конфликтов партий). Чжоу Эньлаю приходилось начинать диалог с нуля уже с ним. Такая подставная фигура не просто так назначалась на этот пост. Чан Кайши использовал это, чтобы заявить на сессии НПС, что никто не доложил ему о требованиях КПК и эта информация для них нова.

Надвигающаяся гражданская война тревожила не только китайскую общественность, но и другие страны. Правительства Великобритании и США не устраивала перспектива междоусобицы, которая сделала бы Китай легкой добычей для Японии. Через свои дипломатические представительства они пытались воздействовать на Гоминьдан и внушить его членам мысль о

недопущении гражданской войны. Происходящее создавало особую напряженность в отношениях с Советским Союзом. Ссора с ним означала для Гоминьдана прекращение военных поставок, поскольку симпатии СССР, несомненно, были на стороне КПК. Советским представителям тоже приходилось нелегко, поскольку с Чунцином их связывали договорные обязательства, и открытое заявление о большей симпатии к КПК могло оттолкнуть Гоминьдан и спровоцировать его сговор с японскими захватчиками. Находящийся в тот момент в Китае военный советник маршал В. Чуйков и посол СССР А. Панюшкин старались воздействовать на Чан Кайши и его приближенных, убеждая их направить агрессию на Японию. Они объясняли высшему руководству, что гражданская междоусобица только повредит борьбе с агрессором, делая намек, что это может привести к прекращению помощи со стороны Советского Союза, потому что советскому народу и Красной Армии будет непонятно, почему китайские войска, вместо того чтобы бить общего врага – японских захватчиков, начали военные действия между собой [30, с. 70]. Во время переговоров представители Гоминьдана всячески льстили советским военным и дипломатам, рассыпались в благодарностях Советскому Союзу за снабжение Китая военными материалами, однако уклонялись от прямых ответов на вопросы, касающиеся конфликта с КПК. Когда переговоры окончательно зашли в тупик, Панюшкин был вынужден пригрозить прекращением поставок. Лишь после этого Чан Кайши пообещал послу сделать все возможное для урегулирования конфликта с КПК мирным путем и попросил доложить об этом Советскому правительству.

Так Чан Кайши, опасаясь ухудшения международного положения Китая и разрыва с союзниками, вынужден был пойти на уступки и не обострять борьбу с КПК. Однако признавать свою вину за Аньхойский инцидент не собирался, утверждая, что Новая 4-я армия, нарушившая субординацию, понесла справедливое наказание.

27 января 1941 г. генералиссимус выступил с речью, в которой заявил, что «решение вопроса о Новой 4-й армии» не повлечет за собой политических

выводов и мероприятий и что это решение не касается других армий коммунистов, честно выполняющих приказы и соблюдающих военную дисциплину [24, с. 204].

Для урегулирования создавшегося напряжения 1 марта 1941 г. Чан Кайши решил провести сессию НПС второго созыва. Мао Цзэдун от лица коммунистов заявил, что Коммунистическая партия отказывается от участия в сессии в связи с тем, что Гомиьнданом были проигнорированы «12 требований» от 22 января. Это нервировало правительство, поскольку отсутствие коммунистов выставляло Китай в невыгодном свете перед присутствующими иностранными представителями, обнажая внутренние противоречия. Однако опасения гомиьндановцев не оправдались: ни иностранцы, ни чунцинские круги не выразили протеста по этому поводу в день открытия сессии. Это несколько развязало им руки.

На второй день сессии КПК предъявила секретариату НПС обновленные «12 требований», после удовлетворения которых, выражала согласие участвовать в сессии:

- 1) немедленное прекращение военного наступления против КПК по всей стране;
- 2) повсеместное прекращение политического давления на левые организации, признание законной платформы КПК и других партий и фракций, освобождение лиц, арестованных в Чунцине, Сиани, Гуйяне и других городах. Открытие всех опечатанных книжных магазинов и аннулирование приказа, запрещающего посылку книг и газет в районы вооруженного сопротивления;
- 3) немедленное прекращение всякого давления на газету «Синьхуа жибао»;
- 4) признание законным существование Особого района;
- 5) признание демократической власти в оккупированных японцами районах;
- 6) сохранение существующего положения в Северном и Центральном Китае и на территориях Северо-Запада;

7) кроме 18-й армейской группировки (АГ) создание еще одной АГ и доведение общей численности войск КПК до шести армий;

8) освобождение Е Тина и восстановление его в должности;

9) освобождение захваченных в плен командиров Новой 4-й армии и выдача пенсий семьям погибших;

10) возвращение людей и оружия, захваченных во время конфликта на юге Аньхоя;

11) создание специального комитета из представителей различных партий и фракций; каждая партия посылает одного представителя; представитель гоминьдана становится председателем, а представитель компартии – вице-председателем;

12) включение представителя компартии в состав президиума НПС [30, с. 73].

Однако и новые требования не получили от осмелевших гоминьдановцев никакой реакции вплоть до 6 марта 1941 г. 6 марта Чан Кайши, наконец, удостоил требования КПК ответом. Но вопреки ожиданиям, он обрушился на коммунистов с обвинениями. В решительных выражениях генералиссимус охарактеризовал отказ КПК от участия в работе сессии НПС как враждебный акт со стороны коммунистов. Основные требования КПК (о создании новой АГ, признании Особых районов на оккупированной территории, освобождении задержанных бойцов и командиров Новой 4-й армии, возвращении оружия и т. д.) он признал неприемлемыми, заявив, что принятие их равносильно признанию марионеточных организаций предателя Ван Цзинвэя. Чан Кайши обвинил 18-ю армейскую группировку в незаконных действиях, в том» что она не ведет борьбу с японцами (там же). Генералиссимус отрицал нападения войск Гоминьдана на другие части КПК. После выступления Чан Кайши сессией НПС была принята резолюция, согласно которой признавалась готовность обсудить все вопросы, которые поднимала КПК, за исключением военных тем. КПК вновь отказалась принимать участие в сессии до тех пор, пока «12 требований» не будут

выполнены, предъявив факты репрессий против коммунистов. Так переговоры окончательно зашли в тупик и вопрос об «Инциденте» остался неразрешенным.

Немногим позже КПК смогла перегруппировать Новую 4-ю армию в регионе к северу от Янцзы, куда она пошла по приказу Гоминьдана, а вскоре восстановила свою партизанскую базу к югу от Янцзы, западнее озера Тай (провинция Цзянсу), т. е. там, где армия и была раньше [25, с. 55].

В апреле 1941 г. Советский Союз и Япония подписали договор о нейтралитете, и одним из его положений было признание советским правительством территориальной целостности Маньчжоу-Го. Также в связи с подготовкой к войне советские летчики были отозваны на родину, а число поставок техники существенно сократилось. Это обстоятельство заметно ухудшало положение коммунистов, оставшихся, по сути, без союзников, т.к. американские летчики-добровольцы в Китае помогали только Гоминьдану.

Помимо общей проблемы в лице японцев и негласной борьбы с Гоминьданом, внутри самой КПК также назревала борьба за власть. В конце лета – начале осени 1941 г. Мао Цзэдун, воспользовавшись относительным перевесом сил внутри КПК, который ему удалось создать начал реализовывать кампанию по «упорядочению стиля» (чжэнфын) и так называемой «китаизации» марксизма. Цель кампании была направлена на устранение оппонентов и всех тех, чьи взгляды шли вразрез с его идеями. Кампания, по Мао, «должна была лечить, чтобы спасти больного», но лечение не должно быть безболезненным. «Начинать же нужно с того, чтобы дать больному встряску, – пояснял Мао. – Нужно громко крикнуть такому больному: «Ведь ты болен!» – так, чтобы он пришел в ужас, чтобы его прошиб холодный пот, и тогда уже по-хорошему уговорить его лечиться [28, с. 94]. Кампания продолжалась в течение четырех лет, вплоть до лета 1945 г. Хронологически ее можно было разделить на следующие этапы:

1. Подготовка кампании (сентябрь 1941 – февраль 1941 г.);
2. Проведение «чжэнфын» (февраль 1942 – июль 1943 г.);
3. Период «экстренного спасения» (июль 1943 – лето 1944 г.);

4. Период «самопровержений и реабилитации» (лето 1944 – весна 1945 г.)

5. Период подведения итогов (весна – лето 1945 г.)

Для проведения кампании Мао Цзэдуном была сформирована руководящая группа «Центральная комиссия по проведению кампании по упорядочению стиля». В состав Центральной комиссии вошли: Лю Шаоци (председатель комиссии с 1943 г.), Кан Шэн (председатель комиссии вплоть до возвращения Лю Шаоци в 1943 г.), Чэнь Юнь, Гао Ган и Ли Фучунь.

По сути, руководство КПК распалось на два лагеря: в один входил Ван Мин с «московской группой», находившиеся в 1938–1940 гг. вне Яньани в составе делегации КПК в Консультативном совете единого фронта и получившие от Мао Цзэдуна ярлык «догматики» за их верность позициям Коминтерна; другой – в Яньани под руководством Мао Цзэдуна. Нужно отметить, что многие кадровые работники Яньани выступали против данной кампании, в чем Мао лично признавался во время беседы с Ван Мином. Внутри Яньанской группировки изначально не было единства. Так, член Политбюро Чжу Дэ и председатель Народного правительства Освобожденного района Линь Боцюй, оставаясь в Яньани, идейно были близки к «догматикам». Также в Яньани существовала группировка, которую Мао Цзэдун окрестил «эмпирики». Взгляды «эмпириков», в сущности, совпадали со взглядами «прагматиков», лишь с той разницей, что они не противостояли Мао Цзэдуну столь откровенно. К «эмпирикам» относились Чжоу Эньлай, Пын Дэхуйя, Не Жунчжэя, Е. Цзяньинь, Лю Бочэн и др.

Политика представителей марксистско-ленинского, интернационалистского направления в КПК состояла в последовательном проведении линии на создание единого фронта с гоминьданом и в осуществлении активных военных действий против японской армии, Такой курс отвечал в тот момент интернациональным задачам международного коммунистического движения. Мао Цзэдун, напротив, саботировал эту линию Коминтерна, стремился свести на нет активные действия против японцев, а все силы сохранить для продолжения войны против

гоминьдана. Тем самым он на деле облегчал японским захватчикам оккупацию Китая, которая стоила населению неисчислимых кровавых жертв, срывал политику единого фронта [3, с. 38].

Мао Цзэдун интриговал против своих политических оппонентов, сталкивая их между собой, поддерживая одних против других и внося смуту в их ряды, до тех пор, пока те не уставали бороться и не покидали политическую арену.

С этого момента внутри партии под руководством Кан Шэна начались многочисленные репрессии и чистки. Ван Мин вспоминал: «С началом «кампании по упорядочению стиля» вся Яньань практически превратилась в большой концлагерь. Каждое учреждение, школа или организация были превращены в своего рода дом предварительного заключения. Без согласия руководителей «кампании по упорядочению стиля» никто не имел права общаться друг с другом – ни переписываться, ни созваниваться, ни совершать другие самостоятельные действия» [2, с. 58].

Под кампанию попадали:

1. Центральная партийная школа, где подвергались «упорядочению стиля» кадровые работники всех советских районов Китая, слушатели партшколы – кадровые работники партийных комитетов – от уездных до территориальных бюро ЦК, вызванные на учебу, работники административных органов (от уезда и выше) районов, занятых 8-й армией и новой 4-й армией; руководящие работники массовых организаций [28, с. 97].

2. Партийные и административные органы
3. Массовые организации всех ступеней Особого района
4. Органы ЦК КПК.

Все они были обязаны вызубрить 22 документа: резолюции КПК за последние два года, речи и работы Мао Цзэдуна и классические произведения: «Сон в красном тереме», «Троецарствие», «Речные заводи». С решениями ЦК и выступлениями Мао вроде бы все ясно. Но причем здесь старинные романы? Оказывается, в героическом эпосе второй половины XIV века «Троецарствие»

четко прописаны все черты и особенности, присущие китайской нации. «Сон в красном тереме» повествует о духовном перерождении древнекитайской знати. А «Речные заводи» рассказывает о том, как 600 лет назад китайские крестьяне боролись за свои права с феодалами.

Чжэнфын предполагал «духовное очищение»: каждый обязан был публично покаяться в своих ошибках и прегрешениях, таких, как сектантство, догматизм, субъективизм, приверженность шаблонным схемам в партии. Особый упор делался на догматизм [10, с. 157].

В этот период было опубликовано несколько известных работ Мао Цзэдуна. Например, в докладе «Перестроим нашу учебу» в мае 1941 г. Мао обрушился с критикой на соратников по партии за поверхностность и отрывочность знаний марксизма-ленинизма. Директивы Коминтерна, Мао презрительно называл иностранными шаблонами, призывая отойти от них. И придать китайскую специфику марксистско-ленинскому учению (русские коммунисты защищали интересы рабочего класса, китайские – крестьян), соединив его с практикой китайской революции и исходя из китайских реалий. При обучении кадровых работников как без отрыва от производства, так и в учебных заведениях для кадров взять курс на то, чтобы в центре внимания стояло изучение практических вопросов китайской революции и чтобы руководящим началом служили основные принципы марксизма-ленинизма, отвергнуть метод статического, оторванного от жизни изучения марксизма-ленинизма [17, с. 49]. Мы должны исходить из действительной обстановки в стране и вне её, в провинции и вне её, в уезде и вне его, в районе и вне его, выводить из действительной обстановки присущие ей, а не надуманные закономерности, то есть находить в происходящих вокруг нас событиях внутреннюю связь и руководствоваться этим в наших действиях.

А для этого мы должны основываться не на собственном воображении, не на мгновенном порыве, не на мёртвой букве книги, а на объективно существующих фактах, должны тщательно знакомиться с материалом и, руководствуясь общими

положениями марксизма-ленинизма, делать на его основе правильные выводы [15, с. 54].

1 июля 1941 года в рамках борьбы с «иностранными шаблонами» ЦК КПК опубликовал постановление об усилении партийности, в котором говорилось: «Нас окружает обширная сельская среда; мы переживаем длительный период распыленных, изолированных партизанских действий; очень большой удельный вес в партии имеют представители мелкой буржуазии и интеллигенции. Поэтому среди некоторых членов партии легко возникают «индивидуализм», «героизм», «дезорганизованность», «изоляция», «децентрализованность» и другие тенденции, нарушающие принцип партийности. Эти уклоны, если позволить им развиваться, могут разрушить единую волю, единые действия и единую дисциплину, перерасти в групповщину и фракционную борьбу, вплоть до открытых выступлений против партии, что нанесет огромный вред партии и революции» [51].

К сентябрю 1941 члены «московской группы» (Ван Мин, Бо Гу, Ло Фу и другие деятели КПК), окрещенные Мао Цзэдуном «носителями порочных тенденций», лишились своих постов. По словам Ван Мина, он, Бо Гу и Ло Фу в очень корректной форме указали Мао Цзэдуну на недопустимость противопоставления изучения китайского вопросу изучению классических произведений марксизма.

Такое замечание вызвало взрыв негодования у Мао Цзэдуна, который, войдя в раж, кричал: «Вы, получившие образование за границей, слепо преклоняетесь перед классиками марксизма-ленинизма, А что, если бы они сейчас оказалась здесь среди нас и испортили бы нам воздух? Вы стали бы вдыхать их вонь как фимиам?»

«Москвичи», естественно, не могли продолжать дискуссию на таком уровне. Мао Цзэдун подобными, граничащими с откровенным хулиганством выходками искусственно создавал обстановку несовместимости, и дело неизбежно клонилось к расколу.

Атмосферу, близкую к расколу в Политбюро, Мао Цзэдун рассеял по-своему. Он попросту упразднил Политбюро как высший партийный коллегиальный орган. Он единолично стал издавать от его имени ответственные партийные решения, привлекая в помощь необходимых лиц независимо от занимаемого ими в партии положения [42, с. 106].

Этой же осенью ухудшились отношения КПК и СССР. 23 июня 1941 г., на следующий же день после нападения Германии, ЦК КПК опубликовал директиву партийным организациям. В ней Мао Цзэдун призвал всех коммунистов в мире «мобилизовать народы всех стран на создание международного единого фронта борьбы против фашизма, борьбы в защиту СССР, в защиту Китая, в защиту свободы и независимости всех народов». Москва сразу же предложила Мао Цзэдуну на практике реализовать эти планы путем координации действий вооруженных сил КПК с советской армией на советско-германском фронте. В Москве полагали, что это поможет сковать силы японской армии и уменьшить риск начала советско-японской войны в тяжелые для Советского Союза дни лета и осени 1941 года. Мао Цзэдун отказался от такой координации [45]. Из-за военных неудач Советского Союза у руководства КПК наступило некоторого рода разочарование в союзниках. Во время переговоров члены КПК высказывали надежду, что быстрое продвижение немцев на западных рубежах связано со стратегией СССР заманить их вглубь России с целью последующего уничтожения, или, что дойдя до «Линии Сталина», советские войска разобьют врага вдоль нее. Такими вопросами китайцы демонстрировали стратегическую безграмотность, раздражая советских военных. В условиях возраставшего военного напряжения на Дальнем Востоке руководитель советской корреспондентской группы 3 сентября 1941 г. при очередной встрече с членами Политбюро вновь поставил перед Мао Цзэдуном вопрос о возможных акциях КПК в случае, если Япония начнет войну против СССР. В ответ со стороны Мао последовали уклончивые заявления со многими оговорками, содержавшие ряд заведомо невыполнимых в той обстановке требований к Советскому Союзу.

Когда же Мао Цзэдуна попросили конкретно сказать, что КПК в состоянии предпринять в случае нападения Японии на СССР, он обвинил связного Коминтерна в «отсутствии диалектического мышления» и бесцеремонно отказался вести разговор по столь важному вопросу. Более того, забыв свои предварительные заверения, Мао Цзэдун стал обвинять собеседника в «грубом вмешательстве во внутренние дела ЦК КПК» [45].

Таким образом, второй период войны для КПК осложнился тем, что подъем и укрепление позиций, к которым она пришла в самом начале войны, вызвал резкое недовольство Гоминьдана. Между союзниками возникла своего рода «холодная война», которая, в конце концов, привела к вооруженному столкновению. Формально инцидент с Новой 4-й армией не разрушил объединенный антияпонский фронт, однако противоречия между КПК и Гоминьданом обозначились со всей четкостью.

Подготовка СССР к войне и заключение им Договора о нейтралитете с Японией, фактически лишили КПК союзнической поддержки, поскольку другие иностранные державы поставляли оружие и технику только Гоминьдану. Собственных сил КПК было не достаточно для борьбы с японцами из-за превосходства противника в численности и вооружении. На этом фоне накалялась обстановка и внутри самой Коммунистической партии. Радикальные коммунисты были недовольны количеством уступок Гоминьдану. А также внутри КПК возникла правоуклонистская линия во главе с Ван Мином. Адепты данного движения были противниками любого самостоятельного решения, принимаемого КПК и требовали действовать только через единый фронт после согласия Гоминьдана. Их идеей было объединение 8-ю и Новую 4-ю армию с войсками Гоминьдана, и осуществлять в новообразованных вооруженных силах «единое командование, единую дисциплину, единое обеспечение, единые военные планы и боевые операции». То есть, правоуклонисты переоценивали дружественность Гоминьдана и их действия и заявления шли в разрез с основной линией КПК.

Одновременно с этим окончательно утверждается статус Мао Цзэдуна как национального лидера, и он уже открыто, при поддержке группы сторонников, разворачивает внутри партии борьбу за продвижение своих интересов, подавая себя как главного и единственно верного идеолога КПК. «Кампания по упорядочению стиля», которую Мао вместе с Лю Шаоци разработали еще в 1938 г., вступает в реализацию. В рамках кампании всех кадровых работников и партийных активистов обязывают изучать марксизм-ленинизм в его новой «китаизированной» трактовке по программе, разработанной Мао Цзэдуном. Кампания не сводилась к одной лишь учебе, главной и негласной ее целью было выдавливание всех инакомыслящих с политической арены. Подготавливая новое наступление на своих противников в КПК, Мао Цзэдун фабрикует обвинение ряда прежних руководящих деятелей КПК в «субъективизме», в неспособности творчески соединять марксизм с китайской действительностью. Лицемерно обращаясь к решениям VII конгресса Коминтерна, в которых был совершен серьезный поворот в тактике коммунистического движения и были осуждены левосектантские ошибки, он обвиняет видных руководителей партии в проведении в первой половине 30-х гг. так называемой третьей левооппортунистской линии. Создав такую «идеологическую базу», он обрушивается прежде всего на Ван Мина, Бо Гу, Чжан Вэньтяня, а также на многих других руководящих и кадровых работников партии, именно на тех, кто препятствовал утверждению курса Мао Цзэдуна. В сентябре 1941 г. эти видные деятели КПК были отстранены от работы в высших руководящих органах партии [13, с. 134]. Под репрессии и чистки под руководством Кан Шэна попадали и рядовые партийные работники и активисты, которые проявляли недостаточно энтузиазма в предварении в жизнь новых идеологических принципов.

Если же говорить об обстановке на фронтах, то выделить какие-либо большие военные успехи КПК сложно. Многие районы, освобожденные КПК во время «Битвы ста полков» были захвачены японцами обратно, а над местным населением учинены жестокие расправы. Мао Цзэдун так определил

стратегическую направленность вооруженной борьбы: «10% усилий – на борьбу с японскими захватчиками, 20% – на защиту от Гоминьдана, 70% – на сохранение своего потенциала». Конечно, жизнь вносила коррективы в подобные установки, но повторимся: и руководство КПК, и руководство Гоминьдана считали, что главная борьба начнется после того, как союзные державы проделают основную работу по разгрому Японии [8, с. 193].

Партия по-прежнему продолжала политику единого фронта и вела партизанскую войну, но с куда меньшим энтузиазмом и воодушевлением, чем в первый период боевых действий, а изнутри ее ослабляла борьба Мао Цзэдуна за укрепление своих позиций.

ГЛАВА 2 КПК В ТРЕТИЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОДЫ ВОЙНЫ

2.1 КПК в третий период войны

Для того, чтобы рассматривать положение КПК в третий период Японо-китайской войны, нельзя обойтись без краткого обзора ситуации, складывающейся в общемировом театре военных действий. В начале декабря 1941 г. страны Запада, всеми силами старавшиеся задобрить японского агрессора, оказались втянуты в войну. Это коснулось и США, которые до последнего пытались дистанцироваться от участия во Второй Мировой, заявляя о своем нейтралитете и статусе судьи, оценивающего происходящее.

Седьмого декабря японские воздушные силы и морской флот без предупреждения напали на американскую военно-морскую базу в Тихом океане Перл-Харбор и нанесли сильный удар по судам военно-морского флота, находившимся там. Американский флот понес очень большие потери.

Следующий удар японцы нанесли по английскому флоту в водах Южно-Китайского моря и также добились успеха. Причинив огромный ущерб американскому и английскому флотам в первые же дни войны, японцы завоевали господство на море и получили возможность проводить широкие наступательные операции на Филиппинах, в Малайе и Голландской Индии, не опасаясь серьезного противодействия противника [30, с. 31].

9 декабря 1941 г. правительство Китая объявило войну Италии и Германии, а на следующий день – Японии. Несмотря на то, что боевые действия продолжались уже 4 года, официально война была объявлена только сейчас, 26 декабря, Китай заключил военное соглашение с Великобританией и США, создав союзническое командование на китайско-индийско-бирманском направлении. Это было необходимо Китаю, поскольку захват Бирмы японскими войсками изолировал бы его от Англии и США, давление со стороны противников усилилось бы и вынудило Чан Кайши капитулировать. К тому же западные союзники не скупилась на обещания оказывать Китаю военную и финансовую помощь, надеясь, что это побудит его к активным боевым действиям.

Американцы и англичане были заинтересованы и в сохранении в Китае единого антияпонского фронта. В частности, они пытались наладить контакты с 18-й армейской группировкой КПК, которая после Аньхойского инцидента не подчинялась Чан Кайши и не проявляла какой-либо активности, надеясь, что благодарные китайцы общими усилиями облегчат их положение на Тихом океане и в Юго-восточной Азии.

Однако они недостаточно понимали особенности китайского менталитета. Ни Гоминьдан, ни КПК переходить к активным боевым действиям вовсе не собирались, экономя силы для борьбы друг с другом. Их намерения заключались в получении финансирования от союзников и разгроме Японии их усилиями.

Но вернемся к Коммунистической партии. На момент, когда Гоминьдан с помощью советских военных советников проводил крупномасштабные операции (Чунцинская, Ичанская, Чаншайская и т.д.) на территории Китая, а часть его войск была переброшена на китайско-индийско-бирманский театр военных действий, Япония вместе с войсками нанкинского марионеточного правительства проводила также карательные антикоммунистические операции, отбивая обратно территории, захваченные во время «Битвы ста полков». В результате этих походов, количество освобожденных районов и численность войск коммунистов заметно поредела.

28 Января 1942 г. в органе КПК, газете «Цзефан Жибао» было опубликовано решение ЦК КПК об аграрной политике в опорных базах сопротивления японским захватчикам, где был обобщен опыт политики, проводимой Коммунистической партией в разных местах. Аграрная политика, проводимая КПК на опорных базах, позиционировалась как политика единого антияпонского фронта. Данный документ содержал следующие принципы:

1. Признается, что крестьяне (включая наемных сельскохозяйственных рабочих) являются основной силой в войне против японских захватчиков и основной силой в производстве. Поэтому политика партии состоит в поддержке крестьян, направлена на ограничение помещичьей феодальной эксплуатации,

осуществление снижения арендной платы и ссудного процента, обеспечение крестьянам прав личности, политических прав, прав на землю, имущественных прав, направлена на улучшение жизненных условий крестьян, повышения их активности в войне против японских захватчиков и в производстве.

2. Признается, что большая часть помещиков выступает с требованием ведения войны против японских захватчиков, часть просвещенных шэньши (обуржуазившиеся помещики) к тому же одобряет демократические преобразования. Поэтому политика партии состоит в поддержке крестьян, ограничении феодальной эксплуатации, а не в ликвидации феодальной эксплуатации, и тем более не в том, чтобы нанести удар просвещенным шэньши, одобряющим демократические преобразования. Поэтому после осуществления снижения арендной платы и снижения ссудного процента также необходимо осуществлять внесение арендной платы и процентов за ссуды, после обеспечения крестьянам прав личности, политических прав, прав на землю и имущественных прав также необходимо гарантировать права личности, политические права, права на землю и имущественные права помещикам, чтобы объединить класс помещиков на совместную войну против японских захватчиков. Только в отношении национальных предателей, решительно не желающих раскаяться, прибегать к политике полной ликвидации осуществляемой ими феодальной эксплуатации.

3. Признается, что капиталистический способ производства является в современном Китае сравнительно прогрессивным способом производства, а буржуазия и в особенности мелкая буржуазия и национальная буржуазия являются в современном Китае сравнительно прогрессивным элементом общества и политической силой. Способ производства богатых крестьян носит капиталистический характер, зажиточные крестьяне составляют класс буржуазии в деревне и являются одной из сил антияпонской войны и производства. Мелкая буржуазия, национальная буржуазия и кулаки не только выступают с требованием ведения войны с японскими захватчиками, но и с требованием демократических

преобразований. Поэтому политика партии состоит не в ослаблении капитализма и буржуазии, ослаблении класса кулаков и кулацкого производства, а состоит в том, чтобы при соответствующем улучшении условий жизни рабочих одновременно поощрять капиталистическое производство и объединяться, поддерживать союз с буржуазией, поощрять кулацкое производство и поддерживать союз с кулаками. Однако кулаки частично осуществляют феодальную по характеру эксплуатацию,

что вызывает недовольство средних и бедных крестьян, поэтому при осуществлении в деревне снижения арендной платы и ссудного процента необходимо также проводить снижение арендной платы и ссудного процента, взимаемых с крестьян кулаками.

После снижения арендной платы и ссудного процента, взимаемых кулаками, необходимо осуществлять внесение арендной платы и процентов за ссуду, а также гарантировать кулакам права личности, политические права, право на землю и право на имущество. В отношении части помещиков, применяющих капиталистические способы ведения хозяйства, подход должен быть таким же, как и к кулакам.

4. Три вышеуказанных основных принципа являются исходными моментами политики нашей партии в национальном антияпонском едином фронте и ее аграрной политики. Опыт четырех лет подтверждает, что, только решительно придерживаясь этих принципов, можно укрепить национальный антияпонский единый фронт, правильно разрешить аграрную проблему, объединить весь народ (всю нацию) на решительное ведение общенациональной войны против японских захватчиков. [29, с. 142].

Что же касается обстановки внутри Коммунистической партии, кампания «Чжэнфын» активно продолжалась.

1 февраля 1942 г. Мао Цзэдун выступил на открытии Центральной партийной школы с речью «За правильный стиль в работе партии». В этой речи Мао отмечал, что несмотря на верность генеральной линии партии, внутри нее имеются также

существенные отклонения от правильного стиля. В учёбе это находит свое выражение в субъективизме, в партийной работе – в сектантстве, а в литературе – в шаблонных схемах [16, с. 57]. Также Мао Цзэдун отмечал низкий уровень теоретической подкованности членов партии: «Нам нужны такие теоретики, которые могут с марксистско-ленинских позиций, пользуясь марксистским подходом и методом, правильно объяснять вопросы, возникающие в процессе изучения истории и в ходе революционной борьбы, могут дать научное объяснение, теоретическое освещение проблем китайской экономики, политики, военного дела, культуры. В нашей Партийной школе теперь нужно ввести такой порядок: успеваемость слушателей определять исходя из того, как они после изучения произведений классиков марксизма-ленинизма разбираются в проблемах, стоящих перед Китаем, ясно ли они понимают их, умеют ли правильно к ним подходить».

Мао Цзэдуном поднимался также вопрос об интеллигенции. Он отмечал, что интеллигенция представляет для партии ценность, поскольку Китай является страной полуколониальной, полуфеодальной, отсталой в культурном отношении. К тому же революция невозможна без революционной интеллигенции. Однако он отмечал, что «многие интеллигенты, считая себя очень образованными людьми, кичатся своими знаниями, не понимая, что такая кичливость неуместна, вредна, что она мешает их собственному росту. Они должны понять ту истину, что, по сути дела, многие так называемые интеллигенты в известном смысле знают меньше всех, что порой рабочие или крестьяне знают побольше, чем они». Мао считал полноценными интеллигентами тех, кто умел применять свои знания на практике. В то же время он выражал опасение, что занимаясь практической работой, они начнут чрезмерно полагаться на свой опыт. Таким образом, существует два рода неполных знаний: знания, приобретаемые в готовом виде из книг, и знания, являющиеся преимущественно результатом чувственного восприятия, знания частичные. И те и другие страдают односторонностью. Только соединение их может дать хорошие, относительно полные знания.

Мао Цзэдун говорил также о методике обучения рабоче-крестьянских кадров. По его словам, они не могли приступать к изучению теории марксизма ленинизма до тех пор, пока не достигнут определенного уровня культуры, изучая общеобразовательные дисциплины. «Приобщившись к культуре, человек может изучать любую науку: политику, военное дело, экономику и т.д. В противном же случае эти кадры, несмотря на свой богатый опыт, не смогут изучать теорию».

8 февраля 1942 г. Мао Цзэдун выступил с речью «Против шаблонных схем в партии» на собрании руководящих работников в Яньани. Шаблонным схемам в литературе он предъявлял «обвинительный акт» из восьми пунктов:

- Преступление первое: бесконечное пустословие и беспредметные разглагольствования.

В условиях военного времени Мао призывал писать выразительные и содержательные небольшие тексты. Это требование распространялось и на тыл, поскольку в нем тоже хватало работы. «Писания, заполненные беспредметными разглагольствованиями, совершенно недопустимы и заслуживают самого решительного осуждения. Это относится и к устным выступлениям. Здесь тоже надо прекратить бесконечное пустословие и беспредметные разглагольствования».

- Преступление второе: злоупотребление страшными словами для запугивания людей.

«Использование страшных слов непригодно по отношению к кому бы то ни было, ибо такая тактика по отношению к врагу совершенно бесполезна, а по отношению к товарищам – только вредна. Тактика запугивания – это излюбленное средство эксплуататорских классов, а также деклассированных элементов, пролетариат же в подобных средствах не нуждается. Пролетариат применяет лишь одно, самое острое, самое действенное оружие – строго выдержанный, проникнутый боевым духом научный подход».

- Преступление третье: пускание стрел, когда не имеешь перед собой цели, нежелание считаться со слушателем или читателем.

«Если коммунист действительно хочет заниматься пропагандой, он должен учитывать, с кем имеет дело, должен подумать о тех, кто будет читать его статьи и написанные им иероглифы, кто будет слушать его речи и его беседы. Если человек, ведущий пропагандистскую работу, будет болтать, не исследовав, не изучив, не зная своей аудитории, никакого толку от такой пропаганды не будет».

- Преступление четвёртое: серость языка статей и речей, уподобляющая их измождённому бродяге.

«Во-первых, надо учиться языку у народа. Лексика народного языка является исключительно богатой и живой, отражающей реальную жизнь.

Во-вторых, надо брать из иностранных языков то, что нам необходимо. Это не значит, что мы должны насильно втискивать в наш язык слова и обороты иностранных языков или злоупотреблять ими; это значит лишь, что мы должны черпать из иностранных языков всё лучшее, всё, что для нас пригодно.

В-третьих, мы должны ещё учиться тому живому, что есть в языке наших предков. Мы недостаточно усердно учились языку, а потому пока ещё не использовали в полной мере и рационально то многое в языке наших предков, что ещё жизнеспособно. Конечно, мы решительно против использования уже отмершей лексики и отмершей фразеологии – это бесспорно, но воспринять всё хорошее, годное мы должны».

- Преступление пятое: механическое рассовывание материалов по рубрикам на манер старой китайской аптеки.

«Взгляните на китайскую аптеку: каждый шкаф в ней состоит из множества выдвижных ящичков, и на каждом ящичке наклеено название лекарства – «зоря», «наперстянка», «ревень», «глауберова соль» – чего тут только нет! И вот подобный метод переняли и наши товарищи. Пишет ли человек статью или готовит речь, пишет ли книгу или готовит доклад, он неизменно начинает с того, что строит схему с рубриками, проставляя сначала римские цифры, затем арабские цифры, затем – один ряд циклических знаков, далее – другой ряд циклических знаков, ещё дальше – прописные латинские буквы, за ними –

строчные латинские буквы, а там пойдут и ещё какие-нибудь знаки – одним словом, великое множество различных знаков! И вот статья пестрит этими знаками. Она не ставит вопроса, не анализирует, не разрешает его, автор не высказывается, с чем он согласен, против чего возражает, он крутится по своей аптеке и не говорит ничего по существу».

- Преступление шестое: безответственное отношение, приносящее вред читателям и слушателям.

Надо же помнить, что твоё выступление должно оказать влияние на мысли и действия других людей. Между тем иные товарищи к этому-то и относятся наплеватьски, когда пишут или выступают, позволяют себе не изучать вопрос заранее. В результате чаще всего получается как в поговорке: «Взмахнул пером – тысяча слов, а от темы ушёл на тысячи ли». Посмотришь – как будто талант, а по существу получается один вред. Такого рода скверной привычке, такому безответственному отношению к делу надо положить конец.

- Преступление седьмое: яд может распространиться на всю партию и затормозить революцию.

- Преступление восьмое: распространение этого яда может совершенно погубить страну и народ.

Для развития революционного духа мы должны отбросить шаблоны и пользоваться в партийной литературе живым, свежим и энергичным марксистско-ленинским стилем. Этот стиль существует у нас уже давно, но он ещё не окреп, ещё не получил повсеместного распространения. Когда мы уничтожим заморские шаблоны, уничтожим шаблоны в партийной литературе, новый стиль в партийной литературе сможет окончательно утвердиться и получить повсеместное распространение и осуществляемое партией дело революция быстрее двинется вперёд [16, с. 89–118].

Также всем присутствующим на этом выступлении выдавались брошюры «Руководство по пропаганде», в которых содержались выдержки из «Краткой истории ВКПб», в которых рассказывалось, как вел пропагандистскую работу

В.И.Ленин; выдержки из доклада Г. Димитрова на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, общая его мысль сводилась к тому, что «нужно научиться говорить с массами не языком книжных формул, а языком борцов за дело масс, у которых каждое слово, каждая мысль отражают думы и настроения миллионов» [9, с. 67]; Статья Лу Синя «Ответ редакции журнала Бэйдоу цзачжи», в которой он объяснял, как надо писать.

Таким образом, Центральный Комитет вынес решение об искоренении шаблонных схем, сектантства, догматизма и субъективизма, о которых снова было упомянуто.

Две февральские речи Мао Цзэдуна 1942 года не вызвали ответной реакции со стороны кадровых работников КПК. Им не придали значения и вскоре о них совсем забыли. Никто не подозревал тогда, что это был только призыв, за которым последует целая серия конкретных мероприятий, которые приведут к коренным изменениям не только внешнего облика Яньани, но и самой политической жизни КПК [42, с. 86].

Имя Ван Шивэя, молодого литератора, с которого началась кампания против шаблонов, со временем станет нарицательным. В своем произведении «Дикая лилия», изданном в марте 1942 г., Ван Шивэй обличал обратную сторону жизни в Яньани: «три класса одежды и пять сортов пищевых продуктов», достававшихся высшему партийному руководству, в то время как «больные и раненые оставались без чашки лапши, а молодежь довольствовалась двумя чашками рисового отвара в день». Упомянул он и о плотских утехах высоких начальников, об их абсолютной равнодушии к нуждам простых членов партии [28, с. 91]. Такого рода дискредитирующее творчество не могло понравиться Мао Цзэдуну, и по его поручению Кан Шэн приступил к расследованию дела.

В октябре Ван Шивэя официально обвинили в «шпионаже в пользу Гоминьдана», назвав «шпионом» и «спецагентом». Кан Шэн безапелляционно заявлял, что в лице Вана сосредоточены «три преступления в одном»: «троцкист», «гоминьдановский шпион», «сторонник реставрации». В апреле 1943 г. Кан Шэн

приказал сотрудникам своего ведомства взять Ван Шивэя под арест [1, с. 161]. Ван остался верен своим убеждениям. В 1947 г. он был убит одним из военачальников КПК. Примерно по такому же принципу устранялись и другие писатели, чьи произведения не были идеологически выдержаны.

Со 2 по 23 мая 1942 г. Мао Цзэдун председательствовал в Яньани на «Совещании по вопросам литературы и искусства», где выступил с приветственным и заключительным словом. Его речи стали базой для революционной литературы, определили ее суть, задачи и направления: служить народным массам, а именно, рабочим, крестьянам и солдатам.

11 мая 1942 г. в Особый район был направлен П.П. Владимиров (настоящее имя П.П. Власов, связной Исполкома Коминтерна при ЦК КПК, военный корреспондент ТАСС). Во время пребывания в Китае Владимиров систематически вел дневник, в котором давал оценку событиям и политическим деятелям. Его дневниковые записи, отражающие реальное положение дел и отношение китайских коммунистов к союзникам стали доступны лишь в 1973 г. незадолго до смерти Мао Цзэдуна.

Почти сразу по приезде Владимиров понял, что почти все сферы в КПК контролируются ярым антисоветчиком Кан Шеном, имеющим также огромное влияние на Мао Цзэдуна. Кан Шен ограждал Мао и других видных членов КПК от общения с советскими журналистами. За ними также была установлена слежка. П. Владимиров, И. Южин (военный разведчик), Б. Алеев (переводчик), А. Орлов (военный хирург) и др. отмечали, что отношение партийных работников к ним отнюдь не доброжелательное, переходящее иной раз в откровенное хамство, а «дружба» с Советским Союзом носит вынужденный характер из-за военных поставок и союзнической помощи. Советских людей редко приглашали на выступления руководителей Коммунистической партии.

Поводом для напряженности отношений с руководством КПК стала резкость, проявленная к ним со стороны Кисленко (до размолвки с Мао – руководитель группы журналистов ТАСС в Яньани), требовавшего более точных сведений о 8-й

армии и Новой 4-й армии, чем вызвал скандал. Присутствовавший при этом Мао высказал упрек:

- Вы, советские люди, приезжаете к нам на короткий срок, за который нельзя толком ничего понять до конца. Приедут, посмотрят и уедут. А потом вместо вас приезжают новые люди, и все повторяется сначала. Вы ведь очень плохо знаете нас и даже не стараетесь понять нас как следует.

Кисленко снова ответил несдержанно, что, мол, может быть, мы разбираемся в китайских делах не хуже ваших руководителей. Мао ушел оскорбленным и вскоре потребовал отозвать Кисленко из Яньани, что и было исполнено (Игорь Южин / Ю Жень, Юрченко Игорь Васильевич/"Три года в Яньани" записки военного корреспондента 1941-1943).

Из личных бесед с членами КПК Владимир вынес следующие причины враждебного отношения со стороны партийного руководства: военные неудачи Красной армии в боях с гитлеровскими войсками и не оправдавшиеся расчеты на поставки оружия и военного снаряжения. Любые поставки оружия из СССР в Особый район означали бы нарушение договора с центральным правительством в Чунцине и распадение единого антияпонского фронта. Такие военные поставки вызвали бы разрыв между Чунцином и Москвой и рассматривались бы в Чунцине как вмешательство во внутренние дела Китая. В перспективе это означало бы вооруженный конфликт Гомиьндана с КПК. Таким поворотом событий японские нацисты не преминули бы воспользоваться [4, с. 40]. Однако именно отсутствие поставок оружия и являлось основной причиной недовольства, и, как подозревали советские военные, оно было нужно коммунистам отнюдь не для борьбы не с японцами.

Догадки, что основная задача КПК не борьба с японским фашизмом, а расправа над Гомиьнданом, подтверждались. Несмотря на формальное сотрудничество, действия КПК противоречили политике единого фронта. Предложения Гомиьндана по разным вопросам отвергались, а однажды Мао Цзэдун даже отказался от встречи с Чан Кайши. В Яньани активно велась

антигоминьдановская пропаганда, и в ходу были такие лозунги, как «Чан должен умереть». Мао прямо заявлял советским корреспондентам, что в случае войны Японии и СССР КПК будет участвовать только в мелких операциях, экономя собственные силы, а действовать в ходе войны будет в зависимости от ситуации.

Готовность КПК биться с японцами лишь на словах иллюстрировали и такие ситуации, как в июле 1941г., когда японские части продвинулись к советским границам, и советское командование обратилось к 8-й НРА с просьбой о помощи. От китайских военных требовалось помешать японцам накапливать силы на Бэйпин-Калганском и Баотоуском направлениях и вести там партизанскую войну. Эта просьба, как и многие другие, была просто проигнорирована руководством КПК.

Что же касается активно ведущейся кампании «Чжэнфын», корреспондентов ТАСС поразило, как в условиях долголетней войны с японцами, когда стоит вопрос, быть или не быть поработенным Китаю, можно заниматься такими узкопартийными проблемами, как «исправление стилей работы», пусть по-своему важными, но сейчас, безусловно, второстепенными [там же, с. 44].

Помимо обстановки внутри Компартии, советских агентов интересовала также обстановка на фронте. В Китае 1942 г. характеризовался, в основном, боями местного назначения (сражения в провинциях Чжэцзян, Цзянси, Гуандун и т.д.). Китайские войска, по словам Кан Шэна, группировались следующим образом:

1. Северный фронт: пехотных дивизий – 110, кавалерийских дивизий – 11. Это около 1,2 млн. военнослужащих. Из этого количества дивизий блокируют Особый район – 28, т. е. 300 тысяч человек. Около 25 тысяч человек сосредоточены на подступах к Синьцзяну.

2. Центральный фронт: пехотных дивизий – 136, кавалерийских дивизий – 3. Это около 1,4 млн. военнослужащих.

3. Южный фронт: пехотных дивизий – 52, пехотных бригад – 11. Это около 700 тысяч военнослужащих.

4. Бирманский фронт: пехотных дивизий – 3. Около 32 тысяч военнослужащих [там же, с. 46].

Боевые качества вооруженных формирований КПК наводили советских корреспондентов и военных на печальные мысли, поскольку действия 8-й НРА и Новой 4-й армии против захватчиков отличались исключительной пассивностью.

Части 8-й НРА вместо активных военных действий по сковыванию японских интервентов ограничивались вялыми оборонительными боями местного значения. Всякий раз, когда завязывались бои по инициативе врага, 8-я НРА откатывалась в горы, избегая столкновений. Таким образом, японцы практически беспрепятственно подготавливали свои тылы к войне против СССР [там же, с. 60].

Такая атмосфера бездеятельности фактически разложила войска. Воодушевления, с которым люди шли на борьбу с врагом, не было и в помине. Слабая боевая подготовка, хромающая дисциплина, возросший процент дезертирства – такой предстает регулярная армия КПК в 1942-м г.

По мнению Владимирова, 8-я НРА была вполне способна к ведению самостоятельных операций. Они связали бы значительную часть вражеских войск, вынудили бы оккупационное командование держать для обеспечения тылов в Маньчжурии и Северном Китае значительные армейские контингенты. Это существенным образом облегчило бы положение Красной Армии, перед которой стояла угроза войны на два фронта.

Однако на активные действия армии не было разрешения сверху. Так, например, инициатора активных боевых действий Линь Бяо Мао Цзэдун вскоре отозвал в Яньань с повышением, на должность заместителя начальника военной академии, а затем отправил в Москву на лечение. Не радовало Линь Бяо такое повышение по службе и тем более несвоевременная забота, как он считал, о его здоровье. Он был ущемлен морально, и открыто выказывал свое недовольство после возвращения из Москвы в Яньань летом 1942 г. По его мнению, существовали реальные возможности для развития активных действий в войне против японцев, и он опровергал аргументы в пользу их свертывания,

услышанные им в 8-й армии после возвращения в Яньань. За такие настроения Линь Бяо оставался в Яньани не у дел до конца 1945 г. [45, 202].

Не внушала радости и тактика партизанской войны, позиционирующаяся в массах как новаторский подход Мао Цзэдуна. В воспоминаниях советских военных говорится об отвратительно налаженной связи партизанских отрядов с центром несмотря на то, что война шла уже много лет. Также упоминается о расцвете бандитизма. Банды, действующие на территориях районов, часто выдавали себя за партизан, совершая нападки на мирное население.

Линию, разделяющую войска компартии и японскую армию, отечественный востоковед генерал-майор Борис Сапожников не случайно назвал в своей монографии не линией фронта, а линией блокады. Да и блокада эта тоже имела «китайскую специфику»: между сторонами осуществлялась контрабандная торговля. Важным источником финансовых поступлений партии была торговля опиумом. В рамках борьбы с инфляцией и финансовыми затруднениями Политбюро санкционировало всемерное развитие «государственного сектора производства опиума и его сбыта» [4, с. 58]. Производством занимались, в основном, армейские части.

Поездка корреспондентов на фронт показала, что руководство КПК рассматривает войну как благоприятный момент для создания своих баз силами противоборствующих сторон: японцев и гоминьдановцев. Японцы наносят поражение гоминьдановцам – власть центрального правительства колеблется. В этот район сразу проникают части 8-й НРА. Если надо, они добивают своих соратников по единому антияпонскому фронту, но власть захватывают [4, с. 83].

1943 г. был переломным, стало очевидным, что победа антигитлеровской коалиции является лишь вопросом времени. Военно-стратегическое положение Японии также ухудшилось и она, предвидя разгром Германии, решила превратить Китай в прочную материковую базу для ведения затяжной войны. Для этого нужно было соединить в единое целое оккупированные китайские территории и обеспечить контроль над сухопутными коммуникациями от Маньчжурии до

Индокитая. С этой целью японское командование подготовило крупное наступление на широком фронте от Хэнани до Гуанси [24, с. 202].

Отношение КПК к Советскому союзу смягчилось, и рассуждения о дружбе и братстве вновь имели место быть, по-прежнему оставаясь словами. Для КПК становился очевидным разгром Японии силами союзных войск, что окончательно укрепило мнение ее верхушки о правильности выбранной тактики пассивного ведения войны.

15 мая 1943 г. было опубликовано постановление ИККИ о роспуске Коминтерна. В документе были названы следующие причины: глубокое различие исторических путей развития отдельных стран мира, различный характер и даже противоречивость их общественного уклада, различие в уровне и темпах их общественного и политического развития, наконец, различие в степени сознательности и организованности рабочих, обусловили и разные задачи, стоящие перед рабочим классом отдельных стран.

То есть, еще задолго до войны все более становилось ясным, что, по мере усложнения как внутренней, так и международной обстановки отдельных стран, решение задач рабочего движения каждой отдельной страны силами какого-либо международного центра будет встречать непреодолимые препятствия [22, с. 94–104].

Эта новость была радостной для Мао Цзэдуна и его приближенных. На экстренном совещании Политбюро он заявил, что согласен с решением президиума, поскольку Коминтерн давно изжил себя, а его требования не учитывали всех тонкостей и специфик Китая и китайской революции. Решение о роспуске не предполагало сохранения традиционных связей и солидарности КПК с международным коммунистическим движением. Напротив, подчеркивалось, что КПК теперь освобождается от обязательств, вытекающих из Устава. Радист из группы П. Владимирова, военный разведчик Н. Риммар вспоминал: «Когда в мае 1943 года появилось заявление о самороспуске Коминтерна, Мао Цзэдун решил переименовать Коммунистическую партию Китая в Народную. И аргумент – в

нем суть его взгляда на партию: из крестьян эта партия и в крестьянской стране. Тут ключ для понимания революции в Китае и самого Мао Цзэдуна... Мао Цзэдун вошел в контакт со Сталиным. Тот не одобрил – и сорвалось переименование. А сам факт примечательный. Не была, не будет эта партия, по мысли Мао Цзэдуна, коммунистической. И, кроме того, готовился он к союзу с американцами. Тем другое название партии больше по душе [7, с. 57]. Роспуск Коммунистического интернационала окончательно развязал Мао, уже официально назначенному на пост председателя ЦК КПК и получившему неограниченные полномочия, руки в борьбе с несогласными. Все адепты про-Коминтерновских и про-московских взглядов попали под удар и были объявлены «вне партии».

Кампания «Чжэнфын» вступила в активную фазу. В это время особенно процветали доносы, аресты, обвинения в шпионаже. Арестованные на допросах вынуждены были указывать на других «сообщников» чтобы спасти себя от расправы, а также писать покаянные заявления и выступать с публичными раскаяниями [35, с. 112]. Кан Шэну и его службе в репрессиях и фабрикованиях дел отводилась особая роль. К лету количество новоявленных «шпионов Гоминьдана» и «японских агентов» выросло настолько, что, по свидетельствам очевидцев, в тюрьмах не оставалось мест. Многие люди (яркие примеры – Чжоу Эньлай и Лю Шаоци), испытывающие неприязнь к Кан Шэну и имеющие с Мао разногласия в некоторых вопросах, из страха перед шефом госбезопасности и его репрессивным аппаратом публично каялись в своих заблуждениях и клялись в верности партии и Мао Цзэдуну. Давление на уже названных идеологических противников Мао усилилось.

Одним из ярких примеров идеологической чистки стало «Дело о рецепте». И. Ильичев [6, с. 83]. П. Владимиров не раз докладывал Ильичеву о его прогрессирующей болезни. Мао Цзэдун и Кан Шэн запрещали отправлять его на лечение в Москву, хотя советские представители обещали взять на себя расходы и даже присылали за ним самолет. Однако партийная верхушка, опасаясь, что Ван

Мин расскажет Коминтерну всю правду об обстановке в Яньани, всячески этому противились, ссылаясь на заключения китайских врачей о тяжелом состоянии, при котором есть риск не пережить перелет. Во время посещения Ван Мина Владимиров и Орлов узнали от его жены, что уже полгода он принимает лекарство, выписанное лечащим врачом Цзинь Маююэ. С рецепта была незамедлительно снята копия и отправлена в Москву с просьбой дать ее на исследование фармакологам. Специалистами было вынесено следующее заключение: «Рецепт был выписан неправильно. Хотя микстура содержала каломель в пределах терапевтической дозировки, всё же с течением времени он в щелочной среде разложился на сулему и ртуть, на что указывает изменение цвета микстуры на темно-зеленый. Прием такой микстуры в течение пяти-шести месяцев может вызвать хроническое отравление (так наз. меркуриализм) с заболеванием органов пищеварения, почек и центральной нервной системы. Такое отравление в тяжелых случаях может привести к смерти, которой предшествует общее резкое малокровие» [19, с. 654].

На консилиуме врачей Цзинь сознался в том, что давал Ван Мину яд, ссылаясь на рассеянность. При этом, многие свидетельствовали о том, что он всегда носил при себе справочник военного врача. При изъятии было обнаружено, что пункт о ядовитых свойствах каломели был отдельно подчеркнут его владельцем. Улики свидетельствовали, что Цзинь Маююэ травил Ван Мина намеренно. Мао Цзэдун в разговоре с советскими корреспондентами обозвал врача агентом Гоминьдана, посетовав, что никому нельзя доверять. Однако Цзинь не попал под суд и не был дисквалифицирован как врач, а напротив, находился под защитой службы безопасности. Он по-прежнему был врачом Мао и других руководителей КПК. Он выполнял прерывание беременности и перевязку фаллопиевых труб у Цзян Цин. После прихода КПК к власти в стране он стал начальником Пекинской больницы, отвечал за лечение руководителей КПК и членов их семей [там же]. Все это говорит о том, что отравление Ван Мина не было инициативой Цзинь Маююэ по идейным соображениям или из личной неприязни. За этим стояли Мао Цзэдун и

Кан Шэн, которые, конечно же, не признавали свою причастность. Советские корреспонденты спасли Ван Мину жизнь своевременным вмешательством и приданием дела огласке, но он был лишь одним из многих неугодных лиц.

В этот период начинал формироваться культ личности Мао Цзэдуна, председатель ЦК КПК подавался в пропаганде как богоподобный мудрый вождь. Его фотографии стали появляться на различных печатных изданиях и почтовых марках, в его честь называли учебные заведения, к примеру, «Школа молодых партийных работников имени Мао Цзэдуна» в Яньани, «Школа имени Мао» на родине Кан Шэна в Шаньдуне. Детей с пеленок стали учить распевать: «Мы – послушные ученики Председателя Мао Появились такие лозунги как «Вечных лет Мао Цзэдуну», «Строго следовать политическому курсу Мао Цзэдуна» и т.д. Двое американских журналистов, Теодор Уайт и Аннели Якоби, посетившие тогда Яньань, сообщали своим редакциям, что Мао «вознесен на вершину всеобщего поклонения» и стал объектом «слащавых до отвращения панегириков». » А ведь до пресловутой «культурной революции» еще было более двадцати лет, когда все эти вещи расцвели вновь махровым цветом, и так поражали иностранцев [28, с. 106].

Саботирование коммунистами всех предложений Чунцина и явная антигоминьдановская пропаганда не могли пройти для них без следа. 9 июля 1943 г. правительственным войскам был отдан приказ о нападении на Особый район. Перевес сил был явно на стороне Гоминьдана, и если бы наступление состоялось, у Яньани, где находилось только два полка (ополченцы и охрана), не было бы шансов. Однако руководство КПК незамедлительно обратилось за помощью к Москве, всячески подчеркивая свою лояльность Советскому Союзу. Москва приняла меры, понимая, что развязывание гражданской войны будет только на руку японцам, и смогла убедить руководство Гоминьдана отказаться от своих планов по захвату Особого района. Руководство КПК почувствовало, что опасность миновала и антигоминьдановская пропаганда вновь вступила в силу.

В 1943 г. руководству КПК стало понятно, что победа над германским нацизмом и японским милитаризмом неизбежна, а Гоминьдан, связанный обязательствами с Москвой, не представляет угрозы. Мао Цзэдун, официально вступивший на пост председателя ЦК КПК, использовал эту ситуацию для насаждения в партии идейной концепции, формируя дальнейшие предпосылки для установления своей единоличной власти.

Поражения Германии, следующие одно за другим, не пугали Японию. Напротив, там была объявлена «Доктрина столетней войны», в которой континентальному Китаю отводилось особое место. В 1944 г. японские войска приостановили наступательные операции против освобожденных районов и предприняли широкомасштабное наступление против гоминьдановских войск, в ходе которого была захвачена территория примерно в 2 млн. квадратных километров с населением около 60 млн. человек, где располагалось 146 городов, в том числе такие важные, как Гуйлин, Хэнъян и Чанша. Было захвачено 10 авиабаз и 36 аэродромов. Данное наступление явилось крупнейшей наземной операцией за весь период тихоокеанской войны. В результате, японцам удалось создать непрерывную сеть коммуникаций от севера до юга Китая, связанных через Корею непосредственно с Японией, которая установила контроль почти над всеми железными дорогами Китая, что позволяло маневрировать силами и беспрепятственно вывозить сырьё из Юго-Восточной Азии. За счёт этого японское командование рассчитывало разгрузить свой морской транспорт, находившийся под ударом ВВС союзников со стороны Тихого океана и испытывавший огромное напряжение [12, с. 324].

Нужно отметить, что поражения Гоминьдана вызывали у верхушки КПК неприкрытую радость, поскольку они ослабляли ее по-настоящему главного противника, и с кризисом центрального правительства и падением международного авторитета Чан Кайши увеличивались шансы заручиться поддержкой США, чьих военных наблюдателей ждали в Китае. Американская миссия «Дикси» под руководством полковника Дэвида Баретта включала в себя

представителей американских вооруженных сил, журналистов, медицинских работников, метеорологов. Баретт занимался военной стратегией, дипломатическими вопросами, в основном, занимался Д. Сервис. Целью миссии было установление дипломатических отношений с Коммунистической партией, исследование ее потенциала и перспектив в качестве потенциального партнера.

Весной 1944 г. в Яньани развернулась масштабная подготовка к приезду американцев. Мао Цзэдун понимал, что сохранение политики единого фронта является одним из важных критериев для заключения союза, поэтому антигоминьдановская пропаганда была временно приостановлена, и на территории Особого района была запрещена резкая публичная критика Чан Кайши, уничтожались все лозунги, направленные против чунцинского правительства, вместо них писались новые в поддержку единого антияпонского фронта. Однако в тех районах, которые намечены для посещения иностранными представителями прессы, организовывались «стихийные» проявления недовольства политикой центрального правительства. Руководством КПК определялись те деревни и воинские подразделения, где подобные настроения должны были демонстрироваться. С местным руководством проводился соответствующий инструктаж [4, с. 320]. В прессе появилась информация о несуществующих крупных сражениях и численности войск с сильно завышенными цифрами. Кроме того, стремясь скрыть от миссии нечистоплотный способ добычи денег путем торговли опиумом, партийная верхушка приказала личному составу 1-й и 259-й бригады уничтожать уже имеющиеся посевы мака, засевание оставшихся полей было приостановлено.

Таким образом, Мао Цзэдун рассчитывал выставить Чан Кайши перед американцами виноватым в подрыве единого фронта и кризисе страны, подавая себя как инициативного и преданного делу победы над японцами. Расчет был на то, что представители США смогут надавить на генералиссимуса, заставив его реорганизовать правительство и включить туда представителей КПК. Также Мао надеялся, что американцы, поверив ему, перераспределят военные поставки и

финансирование в пользу Коммунистической партии, и дипломатические связи КПК со Штатами и Великобританией избавятся от зависимости от Чунцина.

В доказательство верности единому фронту в мае 1944 г. были вынужденно возобновлены переговоры с Гоминьданом, которые председатель КПК саботировал на протяжении 1942 и 1943 гг. Коммунистическую партию на переговорах представлял Ли Цзу-хань (партийный псевдоним Линь Боцюя, председателя Особого района), а Гоминьдан – Ван Шицзе (член центрального правительства, профессор-юрист) и генерал Чжан Чжичжун (глава Военного совета Гоминьдана, один из доверенных лиц Чан Кайши, ярый антикоммунист, участник карательных походов против КПК). КПК выдвигала требование предоставить коммунистам места в правительстве, а также расширила список «12 требований», которые не были удовлетворены еще в 1941 г. после Аньхойского инцидента (легализация КПК и других антияпонских организаций, освобождение политзаключенных и т.д.). Фактически, эти требования означали ограничение власти Чан Кайши, поэтому переговоры не принесли плодов и были прерваны в августе 1944. Отказ Чан Кайши был только на руку Мао Цзэдуну, он только давал ему шанс показать американцам, что коммунисты делают для мирного сотрудничества все, что в их силах, а Гоминьдан не вносит своей лепты в поддержку объединенного фронта.

В июле 1944 г. американский самолет приземлился в Китае. Поначалу Чан Кайши противился поездке представителей США в Яньянь, однако Белый дом в ультимативной форме потребовал предоставить им свободу передвижения. Генералиссимус вынужден был уступить, и 22 июля члены миссии «Дикси» прибыли в Особый район, где приступили к изучению КПК и освобожденных районов. Американцам была предоставлена документация по Новой 4-й армии и 8-й НРА.

Одновременно с этим Мао Цзэдун прекратил кампанию «Чжэнфын», возложив вину за репрессии 1942-43 гг. на Кан Шэна. Нуждаясь в умных опытных кадрах, председатель КПК привлекал к работе «эмпириков», «догматиков» и даже

ненавистных им некогда членов «московской группы». Авторитет Мао стремительно возрос, ведь виновник всех «перегибов», извративший мудрую политику вождя, был наказан благодаря своевременному вмешательству председателя.

Нужно отметить, что у коммунистов получилось произвести на американцев приятное впечатление и ввести их в заблуждение. Исходя из увиденного в освобождённых районах, Сервис пришёл к выводу, что курс КПК основывается на следующих принципах: верность политике единого фронта, мобилизация всех сил для войны с Японией, отказ от любой чисто коммунистической программы, признание власти правительства Чан Кайши [38, с. 562]. Генерал Д. Стилуэлл писал в своем дневнике: «Я сужу о Гоминьдане и Компартии исходя из того, что вижу. Гоминьдан: коррупция, неудачи, хаос, накопительство, высокие налоги, расхождение слов с делами. Коммунистическая программа: снижение налогов, ренты, ссудного процента. Подъём производства и уровня жизни [39, с. 316]. У Стилуэлла также сложилось высокое мнение о боевой подготовке Новой 4-й армии и 8-й НРА, он даже намеревался задействовать войска КПК к северу от реки Хуанхэ, предусматривая наступление из провинции Шаньси в направлении Лояна, Чжэньчжоу и Ханькоу. Предполагалась передача американского вооружения для 300 тыс. бойцов вооружённых сил компартии [40, с. 461]. Правда, Мао Цзэдуну категорически не нравилась такая перспектива, обязывающая положить конец пассивности и накоплению сил для борьбы с Гоминьданом.

Американцы ставили ребром вопрос об отношениях с Советским Союзом. Их волновало, будет ли КПК после победы над Японией строить свое государство по модели СССР. По их словам, все, что требовалось от Коммунистической партии для установления сотрудничества, это полная независимость Особого района от Москвы. Лидеры КПК отрицали получение советской помощи. Они признавали наличие связей с Коминтерном в прошлом, но заверяли американских собеседников в полном отсутствии связей с ВКП (б). Мао Цзэдун скептически отзывался о способности СССР играть значительную роль в восстановлении

Китай после войны из-за тяжёлого положения, в котором сам Советский Союз оказался. В то же время вождь КПК ратовал за широкое сотрудничество с США. Он неоднократно заявлял о целесообразности высадки американских войск в Китае, так как это, по его мнению, способствовало бы утверждению демократии [34, с. 540]. При этом П. Владимирову, присутствующему при таких переговорах он говорил, что не собирается порывать с СССР, а такие слова не более, чем попытка обвести Вашингтон вокруг пальца и пошантажировать Чан Кайши. Таким образом, председатель КПК пытался усидеть на двух стульях.

Главный вывод, который сделали Барретт, Сервис и многие другие члены миссии из разговоров с Мао и из собственных наблюдений, заключался в следующем: «С политической точки зрения всякая ориентация китайских коммунистов на Советский Союз, которая, возможно, и имела когда-то место, ныне, похоже, отошла в прошлое. Коммунисты по своим взглядам и программе превратились в китайских реалистов. Они проводят демократическую политику, надеясь на одобрение и дружескую поддержку со стороны Соединенных Штатов. С экономической точки зрения китайские коммунисты выступают за быстрое развитие и индустриализацию Китая, преследуя главную цель – подъем экономического благосостояния народа. Они признают, что при нынешних условиях в Китае это должно быть осуществлено посредством капитализма с привлечением широкомасштабной зарубежной помощи. Они убеждены, что именно Соединенные Штаты, а не Советский Союз будут той единственной страной, которая сможет предоставить эту экономическую помощь. Они также понимают, что будет разумным дать американцам полную свободу в предоставлении такой помощи в целях ее эффективности и привлечения американских капиталов. Некоторые члены миссии настоятельно советовали американскому руководству переориентироваться на китайских коммунистов, предупреждая, что те могут «вновь повернуться лицом к Советской России, если их вынудит к этому необходимость отразить нападение со стороны Гоминьдана, поддерживаемого Америкой» [21, с. 136]. Тем не менее, Штаты ставили под

сомнение предложение поменять Чан Кайши на Мао Цзэдуна. Обычный националист смущал американское правительство куда меньше, чем коммунист с националистическими замашками. Поэтому свою помощь в победе над Японией американцы решили свести к предотвращению гражданской войны и урегулированию отношений между Гоминьданом и КПК.

В августе 1944 г., по настоянию Вашингтона, переговоры, начавшиеся в мае, были возобновлены. Стараясь воспользоваться сложным положением правительства, компартия ужесточила свою позицию, выдвинув требования ликвидации однопартийной диктатуры Гоминьдана, освобождения всех политзаключённых, легализации КПК и других антияпонских партий, прекращения блокады освобождённых районов, признания существовавших в них органов власти и права компартии на сохранение вооружённых сил в количестве 470 тыс. бойцов. Представители гоминдана отвергли все предложения коммунистов и потребовали расформировать вооружённые силы КПК, сохранив только десять дивизий общей численностью 100 тыс. солдат и офицеров, расформировать органы власти компартии и передать освобождённые районы под управление Чунцина [32, с. 146]. Переговоры снова не принесли результатов и были прерваны.

В ноябре 1944 г. в Яньань прибыл посол США П. Хэрли. Им был разработан проект соглашения КПК и Гоминьдана по созданию коалиционного правительства. В целом, условия данного соглашения предусматривали следующее:

- 1) Объединение всех антияпонских партий и политических организаций, в том числе и непартийных.
- 2) Правительство гарантирует право свободного, открытого существования всем патриотическим антияпонским силам, а также Компартии и Гоминьдану.
- 3) Военный совет преобразуется в Объединенный совет. В этот Объединенный совет войдут представители всех крупных антияпонских вооруженных группировок. Совет обязан строго соблюдать пропорциональность распределения

поступаемого от союзников оружия и боеприпасов между антияпонскими вооруженными группировками.

4) Объединенное национальное правительство Китая, сформированное главным образом из представителей Компартии и Гоминьдана, свою высшую цель будет видеть в сплочении всех патриотических сил страны (прежде всего – вооруженных) для разгрома японских захватчиков. После победы это правительство должно приступить к строительству своей страны на основе принципов доктора Сунь Ятсена.

5) Все патриотические антияпонские вооруженные группировки должны беспрекословно выполнять распоряжения Объединенного национального правительства.

6) Высшим исполнительным военным органом станет Объединенный военный совет, приказы которого будут обязательны для всех антияпонских вооруженных сил. [4, с. 430].

Договор должен был быть скреплен подписями Мао Цзэдуна, Чан Кайши и Хэрли, как представителя президента США. Коммунистам удалось подсунуть в договор собственные пункты, предусматривающие, по сути, полное сложение Чан Кайши полномочий. Хэрли же, плохо разбираясь в особенностях Китая, истоках и сути конфликта двух этих лагерей, подписал все экземпляры и повез Чан Кайши его документ. Генералиссимус, не собирающийся делить с кем-либо власть, встретил его холодно, и подписать соглашение категорически отказался. Он ссылаясь на трудности, связанные с отсутствием демократических традиций в Китае, на то, что война была не лучшим временем для реформ, которые в реально существовавшей обстановке могли привести только к хаосу. Чан Кайши предупреждал, что в тех условиях диктатура была единственно возможной формой правления в стране, и что это могла быть только диктатура Гоминьдана или Компартии, а Мао Цзэдун, требуя немедленной демократизации, стремился на самом деле к замене диктатуры Гоминьдана диктатурой КПК [33, с. 323].

План США по созданию коалиционного правительства в Китае потерпел неудачу, поскольку излишняя активность наблюдателей была истолкована Чан Кайши как вмешательство во внутренние дела Китая и вызвала ухудшение отношений с Гоминьданом. Стилуэлла он вообще потребовал отозвать под угрозой окончательного разрыва дипломатических отношений с США. Хэрли, чьей задачей было устранить раскол внутри единого фронта, своей недалекновидностью лишь усугубил конфликт между КПК и Гоминьданом. Мао Цзэдун, так и не получивший от Америки оружие, заметно охладел к потенциальным союзникам. Окончательно порывать с американцами он не хотел, поскольку не был до конца уверен, что СССР вступит в войну с Японией. Тревожила Мао и мысль о возможности американской интервенции в Китае после разгрома японских захватчиков. Да и само правительство США пришло к выводу о малой значимости китайского фронта и пониманию, каким образом воспользуются коммунисты оружием, если им его предоставить. Представители США, не желая нести ответственность за Китай, его фронт и внутренние дела, спешно закрыли вопрос о коалиционном правительстве. В апреле 1945 г. Хэрли заявил о намерении США сотрудничать с Чан Кайши и отказе предоставлять коммунистам оружие и оказывать военную помощь организациям, не подчиняющимся режиму центрального правительства, и Мао, чьи планы потерпели крах, ничего не оставалось, как переориентироваться на СССР, официально объявив его единственным другом и союзником.

С 23 апреля по 11 июня 1945 г. в Яньани проходил VII Всекитайский Съезд ЦК КПК. На съезде присутствовали 547 делегатов с правом решающего голоса и 208 делегатов с правом совещательного голоса. Они представляли Компартию Китая, насчитывавшую 1,21 млн. членов [46].

Съезд состоялся в период, когда в международном и внутреннем положении Китая произошли серьезные изменения, благоприятствовавшие освободительной борьбе китайского народа. В Европе Советской Армией и войсками союзников был окончательно разгромлен фашизм. Советский Союз, верный своему

союзническому долгу, готовился вступить в войну против империалистической Японии, что предreshало быстрый и окончательный разгром японских агрессоров и скорое завершение освободительной войны китайского народа. Неизбежный и сравнительно быстрый разгром японской армии Вооруженными силами СССР и союзных держав был совершенно очевиден руководству КПК. Главная проблема состояла теперь в том, чтобы во время разгрома японских агрессоров максимально расширить освобожденные районы и укрепить стратегические позиции 8-й и Новой 4-й армий на случай войны с Чан Кайши. Поэтому вопросы, связанные с окончательным разгромом японских захватчиков, несмотря на то, что о нем много говорилось в подготовленных для открытой печати докладах Мао Цзэдуна и Чжу Дэ, имели второстепенное значение. Центральное место, фактически, занимали проблемы идеологической, политической и организационной подготовки партии к будущей войне против господствующей гоминьдановской группировки [24, с. 206].

Съезд открывал член Политбюро ЦК КПК Жень Биши. На нем заслушали: политический доклад Мао Цзэдуна «О коалиционном правительстве», «Доклад об изменениях в Уставе партии» Лю Шаоци, военный доклад Чжу Дэ «О фронтах Освобожденных районов» и выступление Чжоу Эньлая «О едином фронте».

На съезде были рассмотрены следующие вопросы:

1. Подведены итоги внутривнутрипартийной борьбы. Многие бывшие партийные оппозиционеры выступили на съезде с докладами, в которых признавали необходимость чжэнфына, каялись в прежних «заблуждениях», призывая кадры неотступно следовать единственно верной линии Мао Цзэдуна (китаизированный марксизм).

2. Определена политика по отношению к США (возможность «скобизма» – интервенции империалистов по аналогии с Грецией, оккупированной англичанами) и Советскому Союзу (единственный друг и союзник партии)

3. Мао Цзэдун призвал к мобилизации сил для разгрома японцев

4. Был одобрен курс на расширение территорий освобожденных районов и антияпонских баз

5. Мао Цзэдун уже открыто позиционировал КПК как аграрную партию, основной силой которой является крестьянство и мелкая буржуазия, а не рабочий класс

6. Однопартийная диктатура Гоминьдана должна быть устранена. Новый строй, который придет ему на смену, Мао называл «буржуазно-демократическим государством» и «обществом нового типа» [16, с. 314].

7. Указана необходимость перемещения центра тяжести работы КПК из деревни в город.

8. Высказана мысль о необходимости перехода от партизанской тактики ведения войны к маневренной. Маневренной тактике Мао Цзэдун давал следующее определение: «Расстановка (группировка) наших сил обязана быть такой, чтобы мы при необходимости могли быстро сосредоточивать значительные силы (например, 200 тысяч бойцов) для проведения решительных операций по захвату того или иного крупного объекта» [4, с. 483].

На съезде были произведены выборы в ЦК КПК в составе 44 членов и 33 кандидатов в члены партии. Мао Цзэдун был назначен председателем ЦК КПК, этот пост он занимал до конца своих дней. На первом пленуме 7-го созыва в состав Политбюро были избраны Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Жэнь Биши, Чэнь Юнь, Кан Шэн, Гао Ган, Пэн Чжэнь, Дун Биу, Линь Боцюй, Чжан Вэньтянь и Пэн Дэхуай. В Секретариат ЦК были избраны Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Жэнь Биши [46].

Также на съезде был принят новый устав партии, в котором было написано, что «Коммунистическая партия Китая считает идеи, объединяющие теорию марксизма-ленинизма с практикой китайской революции, – идеи Мао Цзэдуна – путеводной звездой во всей своей работе» [47].

Таким образом, к концу третьего периода Японо-китайской войны многое было предопределено для КПК. Германский нацизм был разгромлен, победа

союзников над японским милитаризмом была лишь вопросом времени. Партийная верхушка окончательно убедилась в том, что СССР ее единственный союзник. Что касается обстановки внутри страны, расчеты Мао на накопление сил для новой гражданской войны, перспектива которой вырисовывалась все отчетливее, начинали оправдываться. Становилось ясно и то, что КПК с большей вероятностью придет к власти после войны, чем Гоминьдан, чьи силы истощились во время активных японских наступлений 3-го периода, а политика не встречала поддержки в народе. Положения, принятые на VII Всекитайском съезде ЦК КПК оформили модель будущего государства, а бывшие противники Мао, выступавшие с покаянными речами, заложили основу для культа личности председателя.

2.2 Четвертый период войны

К августу 1945 г. было очевидно, что Китай, не смотря на численное превосходство бойцов (5,5 млн. китайских солдат против 2 млн. японских в Континентальном Китае, Корее и на Тайване) не сможет разбить японских захватчиков без вмешательства СССР и США. Армия Гоминьдана была ослаблена в результате масштабного японского наступления 1944 г и еще не оправилась, не смотря на реформирование и перевооружение, с которым ей помогли американские союзники. Войска КПК (8-я армия, Новая 4-я армия и партизанские отряды) насчитывали более 1 млн. человек. Пассивность, которой вооруженные силы коммунистов отличались все эти годы, позволила им пребывать в лучшей форме, чем их идеологический противник, но и они испытывали трудности. Неудобной была локация войск КПК, рассеянных по огромной территории Северного и Центрального Китая. Они страдали от крайней скудости вооружения и острой нехватки боеприпасов, обмундирования, транспортных средств. Около 2/3 личного состава народных армий не имели стрелкового оружия: одна винтовка приходилась па трех бойцов, один пулемет – на 100, на каждую винтовку имелось по 30 патронов, т. е. на один серьезный бой. Тяжелым вооружением армия коммунистов практически не располагала [24, с. 209]. Это и

определяло их тактику партизанской войны, от которой они не отступали все эти годы. На VII Всекитайском съезде Мао Цзэдун признал партизанскую тактику, которую он называл «воробьиными наступлениями», устаревшей, и призвал перейти к маневренной. Однако с того момента прошло слишком мало времени, и войска еще не были готовы вести масштабные операции. К тому же и КПК, и Гомиьндан время от времени отвлекались на вооруженные столкновения друг с другом.

8 августа 1945 г., ровно через 3 месяца после победы над нацистской Германией, Советский союз, выполняя обязательства Ялтинской конференции, объявил Японии войну. За два дня до этого американские вооруженные силы сбросили атомную бомбу на город Хиросима. Однако генерал К. Л. Шеннолт, командующий 14-й воздушной армией США считал, что именно вступление СССР и его стремительные наступления заставили Японию капитулировать. Американский исследователь Уорд Уилсон, старший научный сотрудник исследовательской организации British American Security Information Council и автор книги «Пять мифов о ядерном оружии» считал, что «победу над Японией одержала не бомба, а Сталин» [49]. Поэтому вопрос оправданности бомбардировок Хиросимы и Нагасаки (9 августа 1945 г.) ВВС США по сей день вызывают у мирового сообщества острую полемику.

9 августа 1945 г. Красная армия приступила к наступательным операциям сразу на трех фронтах: к востоку, западу и северу от Маньчжурии. 10 августа в войну с Японией вступила Монгольская Народная Республика. Стремительное продвижение советских войск создало благоприятные условия для наступления коммунистов. 10 августа главнокомандующий Чжу Дэ и его заместитель Пэн Дэхуай отдали всем вооруженным силам КПК приказ о переходе к широкому наступлению. Войска коммунистов захватывали коммуникации, небольшие города и сельские районы. 9 августа в своей речи Мао Цзэдун, помимо анализа ситуации и вынесения резюме о скорой победе над японцами, напомнил о необходимости развития освобожденных районов. «По-прежнему необходимо

уделять серьёзное внимание работе по укреплению освобождённых районов. Предстоящей зимой и весной необходимо в уже освобождённых районах с их стомиллионным населением и во всех вновь освобождаемых районах повсеместно провести снижение арендной платы за землю и ссудного процента, развивать производство, создавать народную власть и народные вооружённые силы, усиливать работу с народным ополчением, укреплять дисциплину в армии, крепить единый фронт всех слоёв населения, следить за бережным расходом людских и материальных ресурсов», – заявил председатель КПК [16, с. 615].

Гоминьдан беспокоило расширение зон влияния КПК в Северном Китае. 11 августа Чан Кайши отдал сразу три приказа: своим войскам – быстро двинуться вперед для «принятия» оккупированных японцами районов; марионеточным войскам – ответственность за поддержание порядка и охрану населения». Новой 4-й и 8-й армиям – «оставаться на местах в ожидании дальнейших указаний» и не предпринимать «самовольных действий против японских и марионеточных войск». Японским войскам было приказано сдаваться только правительственным гоминьдановским армиям. Американские самолеты и корабли начали спешно перебрасывать гоминьдановские части в Нанкин, Шанхай, Пекин, Тяньцзинь и другие крупные города, к которым приближались отряды народной армии [24, с. 212].

За это коммунисты выдвинули Гоминьдану обвинения в провокации к гражданской войне и подрыве единого фронта. Тем временем 14 августа император Хирохито объявил о капитуляции Японии, 16 августа командование Квантунской армии получило приказ сдаться. Мао Цзэдун воспринял это как знак того, что «война сопротивления японским захватчикам, как определённый этап, уже миновала; новая обстановка и новая задача – это борьба внутри страны» [18, с. 232]. И вновь КПК и Гоминьдан стояли на грани гражданской войны. Однако вмешательство советских и американских союзников убедило обе стороны на время отступить от этой идеи. Москва заявила о своем невмешательстве во внутренние дела Китая. Это было ударом для Мао Цзэдуна, лелеявшего надежду

расправиться с Чан Кайши руками СССР. Генералиссимус, идя навстречу союзникам и учитывая настроения народных масс, уставших от войны, отправил Мао Цзэдуна приглашение на переговоры.

25 августа председатель ЦК КПК вынужден был дать свое согласие на переговоры. Для переговоров он составил следующий список требований, которые намеревался предъявить Гоминьдану

- признание правительства, избранного народом (Объединенный комитет Освобожденных районов);
- выделение тех районов, где представители КПК могли бы проводить самостоятельный прием капитулирующих японских войск;
- строгое наказание предателей, немедленный роспуск всех марионеточных войск;
- реорганизация вооруженных сил и демилитаризация страны;
- официальное признание статуса всех партий и группировок;
- отмена законов об ограничении свободы собраний, печати и т. д.;
- ликвидация тайных политических группировок;
- освобождение политзаключенных;
- немедленный созыв конференции всех партий, организаций, группировок и беспартийных для обсуждения проблем послевоенного устройства Китая;
- выработка программы демократических преобразований;
- создание демократического коалиционного правительства [4, с. 605].

Стартовавшие 28 августа в Чунцине переговоры между КПК и Гоминьданом длились 45 дней, и их итогом стало «Соглашение двойной десятки», подписанное уже после войны 10 октября 1945 г.

По итогам переговоров, на словах Гоминьдан признавал КПК в качестве реальной политической силы, выразил готовность предоставить народу элементарные демократические свободы, легализовать политические партии, ликвидировать тайную полицию, освободить политических заключённых,

завершить «период политической опеки», перейти к конституционному правлению. Ввиду этих задач Чан Кайши предлагал провести политическую консультативную конференцию с участием представителей всех партий, чтобы обсудить проект мирного строительства государства и вопрос о созыве Национального собрания [27, с. 303].

Коммунисты выразили готовность вывести войска из восьми «освобождённых районов», расположенных южнее Янцзы, которые находились в непосредственной близости к основным центрам гоминьдановской власти – Уханю, Гуанчжоу и Шанхаю – и вызывали наибольшие опасения у Чан Кайши; для наблюдения за передислокацией этих войск на север создавалась смешанная военная комиссия. Соглашение зафиксировало право КПК иметь 20 регулярных дивизий (там же). В чунцинской прессе иронизировали: «Теперь Мао Цзэдун называет Чан Кайши президентом, а не «фашистским реакционным диктатором». Правительство он теперь называет национальным правительством, а не «режимом Чан Кайши» [4, с. 636].

Однако, союзникам не удалось предотвратить гражданскую войну, они лишь оттянули ее. Несмотря на всю видимость стремления к миру и громких обещаний с обеих сторон, между войсками Гоминьдана и КПК все равно случались вооруженные столкновения, и, в конечном счете, они привели к гражданской войне, которая завершилась победой коммунистов, чей режим действует по сей день.

В то время, пока шли переговоры, 2 сентября 1945 г. в Токийском заливе представителями США, Великобритании, СССР, Франции и Японии был подписан акт о капитуляции японских вооруженных сил. 9 сентября в Нанкине капитуляцию на китайском театре войны принял военный министр центрального правительства Хэ Инцинь. Так закончилась Вторая мировая война в Азии.

Таким образом, победа над нацистской Германией, милитаристской Японией и их союзниками явилась совместной победой международного фронта антифашистских, прогрессивных, демократических и национально-

освободительных сил. Китайский фронт был важной составной частью Второй мировой войны. Китай первым вступил в борьбу против японских милитаристов, сковывал силы Японии, нарушая ее стратегические планы, наносил ощутимые потери ее армии, что оказывало позитивное влияние на ход военных действий на других театрах военных действий в пользу антигитлеровской коалиции [43].

Благодаря своему вкладу в победу Китай, долго пребывавший в глазах мирового сообщества отсталой полуколониальной страной, вошел в число великих держав. Однако победа над японскими захватчиками не определила до конца будущее самого Китая. Двум политическим системам, существовавшим внутри страны, еще предстояло выяснить, кто же из них поведет ее за собой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфуцию, жившему задолго до Японо-китайской войны (1937–1945 гг.) приписывают выражение «Если долго сидеть на берегу желтой реки, можно увидеть, как мимо тебя проплывет труп твоего врага». Во время Японо-китайской войны (1937–1945 гг.) вождь КПК Мао Цзэдун во многом следовал этому принципу, расставив приоритеты так: «10% усилий – на борьбу с японскими захватчиками, 20% – на защиту от Гоминьдана, 70% – на сохранение своего потенциала».

Такая стратегия была во многом непонятна советским современникам, но умение китайских коммунистов оборачивать в свою пользу даже трагические события привело к желаемым результатам. Мао Цзэдун трезво оценивал положение Китая в начале войны: полуколониальная, полуфеодальная страна, истощенная гражданскими распрями и оккупацией, не имеющая достаточно ресурсов для самостоятельного ведения войны, а также собственные возможности: нелегальная партия, не имеющая достаточной поддержки. Коммунисты смогли правильно воспользоваться сложившейся обстановкой, выступив инициаторами создания единого фронта, что помогло им воодушевить народ на сопротивление японцам. Также они смогли извлечь собственную выгоду: продемонстрировав готовность к сотрудничеству с идеологическим противником и готовность идти на уступки, если того требует спасение Родины, КПК добилась легальности, получила поддержку населения и популярность за рубежом. Выступив с предложением о создании единого фронта, КПК сорвала главный план Японии. Вместо «блицкрига» Япония втягивалась в затяжную войну, что заметно истощало ее ресурсы и ослабляло военный потенциал. В Китае образовались два фронта войны с японскими захватчиками: гоминьдановский, сдерживавший основные силы наступавшей японской армии, и фронт освобожденных районов, созданного вооруженными силами КПК в тылу захватчиков. Противоречия между КПК и Гоминьданом выявились уже в первый период войны, поскольку коммунисты, устанавливая власть в освобожденных

районах, очищали их не от одних лишь захватчиков, но и от вооруженных сил Гоминьдана, подорванной, естественно, военными действиями. Эта ситуация была в военном и политическом отношении взрывоопасной, что и выявилось в полной мере в следующий период войны.

Укрепление позиций и рост популярности КПК привели к ухудшению отношений с Гоминьданом, что вылилось в вооруженное столкновение, вошедшее в историю как «Инцидент с Новой 4-й армией». Формально инцидент с Новой 4-й армией не разрушил объединенный антияпонский фронт, однако противоречия между КПК и Гоминьданом обозначились со всей четкостью. Усложняли ситуацию и подготовка СССР к войне и заключение им Договора о нейтралитете с Японией, вследствие чего КПК фактически лишилась союзнической поддержки, поскольку другие государства-союзники поставляли оружие только Гоминьдану. Собственных сил КПК для борьбы с японцами было не достаточно. Одновременно с этим Мао Цзэдун при поддержке группы сторонников развернул внутри партии «Кампанию по упорядочению стиля работы» («Чжэнфын»). В рамках кампании всех кадровых работников и партийных активистов обязывали изучать «китаизированный» марксизм-ленинизм по программе, разработанной будущим председателем ЦК. Чжэнфын не сводился лишь к учебе, главной и негласной его целью было утверждение Мао Цзэдуна в качестве национального лидера и главного идеолога КПК и устранение всех инакомыслящих с политической арены.

Рассматривая третий период войны можно проследить, как меняется стратегия КПК по отношению к союзникам. В зависимости от успехов СССР на Западном фронте оно варьировалось от почти враждебного до вновь дружественного. Когда возникла вероятность заключить союз с США, Мао Цзэдун заявлял о планах строить будущее государство по капиталистической модели и отрицал связи с ВКП(б). При этом советским представителям было сказано, что таким образом он просто пытается одурачить капиталистов, и предложено учиться у китайцев хитрости. Действительно, и русские и американцы вели себя достаточно

прямолинейно, а меж тем у Мао не было однозначного мнения, кто из них союзник и друг, он преследовал собственные прагматические интересы.

В этот же период «Кампания по упорядочению стиля» успевает как пройти активную фазу с арестами партийных деятелей, интеллигенции и деятелей искусства, так и быстро свернуться, как только этого потребовала ситуация. Те, кто был преследован в ходе партийных чисток, привлекались к работе, а вина за «перегибы» перекладывалась на Кан Шэна. Бывшие противники Мао, выступали с покаянными докладами, закладывая тем самым основу для культа личности председателя.

Когда германский нацизм был разгромлен, а победа союзников над японским милитаризмом была лишь вопросом времени, войска Компартии и вовсе перестали участвовать в крупных наступательных операциях, лишь отбивая периодические атаки небольших подразделений японцев. Таким образом, коммунистам удалось сохранить и преумножить военные силы, увеличить численность войск и партии. Также КПК расширяла сферы своего влияния, беря под контроль Освобожденные районы приобретая, тем самым, опыт административного управления этими территориями, налаживая там производство и решая социально-экономические проблемы. В этот период партийная верхушка окончательно убедилась в том, что СССР ее единственный союзник. Что касается обстановки внутри страны, расчеты Мао на накопление сил для новой гражданской войны, перспектива которой вырисовывалась все отчетливее, начинали оправдываться. Становилось ясно и то, что КПК с большей вероятностью придет к власти после войны, чем Гомиьндан, чьи силы истощились во время активных японских наступлений 3-го периода, а политика не встречала поддержки в народе. Положения, принятые на VII Всекитайском съезде ЦК КПК оформили модель будущего государства.

Несмотря на то, что войну на китайском фронте формально выиграл Гомиьндан, приняв капитуляцию Японии и оставшись у власти по окончании войны, праздновать победу было рано. Коммунистическая партия вела гибкую

политику, на словах призывая к демократизации Китая и выдвигая лозунги о сотрудничестве с Чан Кайши, тем самым создавая себе положительную репутацию в глазах мирового сообщества. Ставка КПК на истощение военного потенциала Гоминьдана была верной, и это помогло коммунистам прийти к власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Буров, В. Г. Памятные места Китая. Яньань / В. Г. Буров // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 6. – С. 158–162.
- 2 Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна / Мин Ван. – М., 1975. – 302 с.
- 3 Владимиров, О. Е. Страницы политической биографии Мао Цзэ-дуна / О. Е. Владимиров, В. И. Рязанцев. – 2-е доп. изд. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – 80 с.
- 4 Владимиров, П. П. Особый район Китая 1942–1945 / П. П. Владимиров. – М.: «Новости», 1973. – 656 с.
- 5 Воронцов, В. Б. Чан Кайши. Судьба китайского Бонапарта / В. Б. Воронцов. – М.: «Политиздат», 1989. – 395 с.
- 6 Галенович, Ю. М. Десять жизней Ван Мина / Ю. М. Галенович. – М.: НФАМ, 2018. – 470 с.
- 7 Галенович, Ю. М. Сталин и Мао. Два вождя / Ю. М. Галенович. – М.: Восточная литература, 2009. – 596 с.
- 8 Дельнов, А. А. Китай. Большой исторический путеводитель / А. А. Дельнов. – М.: «Эксмо», 2008. – 848 с.
- 9 Димитров, Г. М. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны / Г. М. Димитров. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – 172 с.
- 10 Жемчугов, А. А. Китайская головоломка / А. А. Жемчугов. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2004. – 352 с.
- 11 История войны на Тихом океане: в 5 т. / под ред. Б. В. Поспелова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – Т. 2: Японо-китайская война. – 416 с.
- 12 История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. / под ред. А. А. Гречко. – М.: Воениздат, 1978. – Т. 9: Освобождение территории СССР и европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии. – 574 с.

- 13 История Китая: учебник / под ред. А. В. Меликсетова, – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во Высшая школа, 2002. – 736 с.
- 14 Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 4 т. / Цзэдун Мао. – М.: Издательство иностранной литературы, 1953. – Т. 2. – 467 с.
- 15 Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 4 т. / Цзэдун Мао. – М.: Издательство иностранной литературы, 1953. – Т. 3. – 536 с.
- 16 Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 4 т. / Цзэдун Мао. – М.: Издательство иностранной литературы, 1953. – Т. 4. – 562 с.
- 17 Мао Цзэдун. Маленькая красная книжица / Цзэдун Мао. – М.: Изд-во «Эскмо», 2017. – 160 с.
- 18 Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае / Цзэдун Мао. – М.: Палея – Мишин, 2000. – 472 с.
- 19 Мэн Циншу. Чэнь Шаоюй – Ван Мин. Биография. Воспоминания / Циншу Мэн. – М.: БФ «Онтопсихология», 2011. – 970 с.
- 20 Мяо Чу-Хуан. Краткая история Коммунистической партии Китая / Чу-Хуан Мяо; пер. с кит. А. Сергеева, Р. Кудашева, О. Рахманина. – М.: Государственное Издательство политической литературы, 1958. – 257 с.
- 21 Панцов, А. В. Мао Цзэдун / А. В. Панцов. – 2-е изд., испр. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 136 с.
- 22 РГАСПИ, – Ф. 495, – Оп. 18, – Д. 1340, – ЛЛ. 99–104.
- 23 РГАСПИ, – Ф. 495, – Оп. 225, – Д. 71, – Т. 1, – ЛЛ. 242–243.
- 24 Сладковский, М. И. Новейшая история Китая. 1928-1949 / М. И. Сладковский. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 399 с.
- 25 Смертин, Ю. Г. Китай во второй мировой войне: рождение великой державы / Ю. Г. Смертин // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2015. – № 1. – С. 50–64.

26 СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны: монография / Е. В. Дунаева, А. З. Егорин, О. И. Жигалина, Н. Г. Киреев, Р. Г. Ланда и др. – М.: ИДВ РАН, 2010. – 460 с.

27 Тихвинский, С. Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая / С. Л. Тихвинский. – М.: «Восточная литература» РАН, 1996. – 584 с.

28 Усов, В. Н. Китайский Берия Кан Шэн / В. Н. Усов. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2003. – 428 с.

29 Хрестоматия по истории международных отношений: в 5 ч. Ч. 4. Новейшее время / сост. В. Д. Кузнецов. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. – 906 с.

30 Чуйков, В. И. Миссия в Китае / В. И. Чуйков. – М.: Воениздат, 1983. – 252 с.

31 Чжунго синьминьчжучжуи гэмин ши цанькао цзыляо [中国新民主主义革命史研究资料] Материалы для изучения истории китайской новодемократической революции. – Шанхай, 1951. – 1280 с. (на кит. яз.)

32 Buhite, R. Patrick J. Hurley and the American Foreign Policy / R. Buhite. – Ithaca: Cornell University Press, 1973. – 823 p.

33 Davies, J. Dragon by the Tail. American, British, Japanese, and Russian Encounter with China and One Another / J. Davis. – N.Y.: Norton, 1972. – 386 p.

34 Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. China. Washington, GPO, 1967. – 1028 p.

35 Garver, J. W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945: The Diplomacy of Chinese Nationalism / J. W. Garver. – N.Y.: Oxford University Press, 1988. – 312 p.

36 North, R. Moscow and Chinese Communists / R. North. – Stanford: Stanford University Press, 1967. – 487 p.

37 Snow, E. Red star over China / E. Snow. – London: Grove-press, 1994. – 474 p.

38 Spense, J. D. The Search for Modern China / J. D. Spense. – N. Y.: W. W. Norton & Company, 1990. – 912 p.

39 Stilwell, G. The Stilwell Papers. Arranged and Edited by Theodore H. White / G. Stilwell. – N. Y., William Sloane, 1948. – 654 p.

40 U. S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Military Situation in the Far East. Congress. First Session. – Washington, GPO, 1951. – 3691 p.

41 Сэйю Мори. / Китай пересматривает официальную статистику погибших во второй японо-китайской войне / Мори Сэйю // Иносми.ру – 2014 – 2 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://inosmi.ru/world/20140514/220289938.html> (дата обращения 02.05.2020).

42 Южин, И. В. (Ю Жень, Юрченко Игорь Васильевич) Три года в Яньани. Записки военного корреспондента. 1941-1943 / И. В. Южин // ArtOfWar. Творчество ветеранов последних войн. Сайт имени Владимира Григорьева. – 2019. – 7 августа [Электронный ресурс]. – URL: http://artofwar.ru/j/jurchenko_i_w/text_0010.shtml (дата обращения 06.04.2020).

43 Горбачев, Б. С. Третий фронт Второй Мировой Войны. Азиатская часть / Б. С. Горбачев // Независимое военное обозрение – 2010. – 6 августа [Электронный ресурс]. – URL: http://nvo.ng.ru/history/2010-08-27/1_war.html (дата обращения 02.05.2020).

44 Малевич, И. С. Забытые страницы Второй мировой войны / И. С. Малевич // Национальная оборона – 2020. – 5 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2015/1022/201616898/detail.shtml> (дата обращения 12.05.2020).

45 Ополев, В. Е. История советско-китайских отношений / В. Е. Ополев // Военно-исторический сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://tank.uw.ru/books/opolev/> (дата обращения 28.03.2020).

46 Китайский информационный интернет-центр. VII Всекитайский Съезд КПК – 2010. – 10 сентября [Электронный ресурс]. – URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-06/17/content_8950970.htm (дата обращения 20.03.2020).

47 Юркевич, А. Г. Коммунистическая партия Китая / А. Г. Юркевич, А. А. Маслов // Большая российская энциклопедия – 2004. – 6 декабря [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/world_history/text/3959431 (дата обращения 07.03.2020).

48 Мао Цзэдун. Об одиннадцатом пленуме ЦИК гоминдана и второй сессии Национального политического совета третьего созыва (передовая статья яньаньской газеты «Цзефанжибао) / Цзэдун Мао // Библиотека маоизма [Электронный ресурс]. – URL: <http://library.maoism.ru/article-5-10-1943.htm> (дата обращения 25.04.2020).

49 Wilson, W. The Bomb Didn't Beat Japan. Stalin Did Ward Wilson / W. Wilson // Foreign Policy – 2013. – 30 May [Electronic resource]. – URL: <http://foreignpolicy.com> (application date 14.05.20).

50 Решение шестого расширенного пленума Центрального Комитета Коммунистической Партии Китая 6 ноября 1938 года (извлечение) / История США [Электронный ресурс]. – URL: <http://usa-history.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st512.shtml>) (дата обращения 23.04.2020).

51 Японо-китайская война (1937–1945) / Хронос. Всемирная история [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hrono.ru/sobyt/1900war/1941chin.php> (дата обращения 19.04.2020).